Елена Георгиевская

Сталелитейные осы

Москва 2017 УДК 82-821:821.161.1-[1+3] ББК 84(2=411.2)6 ГЗ6

Георгиевская Е.

Сталелитейные осы / Елена Георгиевская. – М.: Вивернариум, 2017. – 180 с.

Новую книгу Елены Георгиевской составляют тексты, находящиеся на границе прозы и поэзии. Автор определяет некоторые тексты как малую прозу, другие — как стихотворения.

Елена Георгиевская (род. в 1980 г. в г. Мышкин Ярославской обл.) — прозаик, поэт, публицист, журналист, выпускник Школы русской филологии и культуры при Ярославском государственном педагогическом университете им. Ушинского и Литературного института им. Горького. Романы, повести, рассказы, малая проза публиковались в журналах «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Урал», «Нева», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Футурум Арт» и др. Лауреат премии журнала «Футурум Арт» (2006), премии «Вольный стрелок» (2010).

ISBN 978-5-4465-1469-4

[©] Георгиевская Е. Н., 2017

[©] Буяновский И. А., фотография, 2017

[©] Горшкова Е. Н., оформление, 2017

Скотобойня и каменоломня

Брайан Уильямс записывал низкочастотный ambient на скотобойне и в каменоломие.

Я хотел назвать книгу в честь его импровизированных студий, но пошёл за хлебом.

«Я хотел наружу, однако вместо этого сломал карандаш».

Бутылка

Ү живёт в коконе, будто в конуре.

У планирует напечататься в журнале «Знамя». Светлая ему память... удачи, то есть.

- Каков максимальный объём рукописи для вашего журнала?
- Распечатанное повествование должно умещаться в бутылке, будучи свёрнутым, а не скомканным.
- Какая ещё бутылка? Это раньше оплывали канделябры и тонули деревянные корабли. А теперь бутылками полицаи людей имеют.

[Далее – разборчиво, но не обязательно.]

...ну, хорошо, допустим, так:

— Опасайтесь слов «бог» и «любовь». Говорят вам: «В ваших героях нет любви и богоискательства», — значит, хотят свернуть вас как бумагу и бить ею мух, садящихся на иконное стекло подлым летним утром.

Подлое летнее утро

 Сначала я жил в доме, где на зиму ставили вторые рамы, а потом – в сквоте с трещиною в стекле.

Это метафора стилистических и композиционных изменений.

- Неправда. У тебя двойные рамы, и все они треснули.
- Зато я честно рассказал тебе, где жил много лет назад. Сможешь ли ты мне после этого доверять?

Девочки в блокнотах

Девочки пишут в блокнотах: «Хочу стать писателем. Уже стала. Но слова рассыпаются».

Купить манную крупу, якобы случайно рассыпать, смотреть на неё и говорить: вымели бы вы это к чёртовой матери. Ваши татуированные брови вам не помогут.

Четыре полушария

У меня четыре полушария в голове, и все никуда не годны.

Когда третье полушарие выдаёт себя за четвёртое, глюколовы просят меня не писать как они.

Это ещё ничего – у некоторых выходят лишние книги, например.

Существует

Литература существует для мерзости, словоблудия, корысти и лжи. И самое страшное начинается, когда мерзость, словоблудие, корыстолюбие и ложь человека уходит в литературу, а сам он остаётся честным, наивным, открытым, и его, разумеется, околпачивают.

Один такой ошивался неподалёку. Мы видели, как тает его тень и светлеет его лицо. Нам представлялось, что тень — как ежевичный пирог со стрихнином. Но сущность, которая поедала её, осталась невредима. Рано или поздно это должно было закончиться.

Письма неустановленным

1.

Сорванный голос прирос обратно, как небывалая кожа, теперь хоть книги им переплетай.

Что прирастёт к тебе остальное — чужие глупости. Всё плохо в окрестностях, похожих на котёл с замёрзшей водой.

Но ничего, у тебя в голове косяк, это ты поэт, а я просто так не прошёл мимо.

2.

Сойти с ума, чтобы зарабатывать, весь район на зарплате у директора психушки. Так делают, чтобы зарабатывать весь район.

И они знают, что ничего не получится, но им нравится делать вид.

Так строят ресницами глазки-дворы, безумцы бывают хитры. Двор-колодец обернулся кругом, катится в сторону моего дома.

3.

Они всегда хороши, мы всегда плохи или никто; лучше быть никем, чем хорошим. Они хотели подсказать нам худшее, а сделали как лучше; ещё бы.

Ещё бы больше наших слышали, как никто не идёт по лестнице. Не этой, вон той. По этой спустилась одна, и некому стало сегодня подкармливать птиц, чтобы не слушали проповедей. Помалкивай. Очень невыгодно всё создаётся.

Такая страна, у неё здесь могила. Ты думала, что передарят небесным её мавзолей? Подержи дольше дым, просмотри слова:

паройкия, киноварь, доломит.

5.

Письмо в Украину

Медленница высыплет мир. Можешь дома сидеть, без тебя уже всех свинтили и нынче всё снова

Зеркала набиты под завязку, отвечают пятнадцатым лицом и вместе лицо без числа

Вместе

Медленница чужих трат разъединит тебя на пылинки, соединит с мельчайше оставшимися другими в пыльный ручей ни для чего

«Ты приходишь в негодность пока над тобой потолок Отдай им стены и крышу последнее что увидишь»

6.

Имейл, возвращающий с паркета на асфальт

Трепетные литературные мальчики никогда не полюбят таких, как ты или я, это будет симпатия, в крайнем случае.

А, да, говорили иные из них, что именно любят; но в реальности — не меня, а то, что могло бы случиться со мной: Часть первая. Я беру мальчика на содержание, он

ценит меня как мать.

Часть вторая. Я пью гормоны, голос становится выше на две октавы, бросаю спорт, от меня остаются кости и грудь, ем только сладкое. – Но от глюкозы же работают мозги, а мужчинам нравятся дуры, – перебиваешь ты.

Хуй поймёшь их мужскую логику, типа барышня
 с чёрным зефиром – это красивей.

И вот ты такая слабая, что за тебя даже не западло помыть посуду!

И вот ты такая слабая, что рядом с тобой не стыдно пройти по заебатой улице!

И потом вы сворачиваете туда, где вас отметелят гопники.

И вы романтично умрёте в луже выблеванной вотки и прославитесь как участники поэтической программы «Они ушли». Это прямо как христианство.

Я языческое животное. Не любите меня.

Здесь темно и тебе не понравится

Цветной пролом

Края пробоины окрашиваются. Несколько сантиметров по твою правую руку — фиолетовым, затем ещё несколько — оранжевым, отрезок над головой — чёрным. Только что ты наблюдал это, и вот пролом затянулся.

- А кто сказал, что я хотел выйти?
- A кто сказал, что я не хотел выйти? Я вообще сначала смотрел на тебя, а потом на это [, любые самооправдания.]

Здесь темно и тебе не понравится

в качестве круга или квадрата. Углов не видно. Цвет раздражающего флага.

Безлитерная печатная машинка

Дарить ненавистникам бездуховности и людей. Устали от компьютерной цивилизации, но не готовы писать углём на досках. Ищут интеллигентные способы травить соседей. Результат будет как обычно: пустое письмо.

Но аппараты раскупят непуганые потомки авангардистов, чтобы сыграть десятитысячный ремейк «4.33». Ещё можно заполнить чернильными буквами вмятины от пустых площадок и назвать это новым жанром. Не знаю, что [лучше; хуже; впишите ваш менее предсказуемый вариант]. Мне снова нечего дарить ненавистникам бездуховности и людей, кроме собственной бездуховности.

Go Vegan

Через две части, через три половины. Хотела спросить, почему три, ведь половины бывают только две и равные. На неё зашикали, чтобы не говорила банальностей.

Сыта, потому что наказана. Должна быть.

Бог — заветрившаяся мясная нарезка, привезённая в супермаркет с целью, прозрачной, как целлофан, и так же медленно разлагающейся.

Держишь в руках немного глупости, чтобы отпугивать дураков и верующих.

Мы не в театре

Тело разматывается как сплошная кожа. Под ней нет органов. То, что бьётся, оказалось...

Размотали окончательно, теперь не узнать, что билось. Не только объекту опыта, но и субъекту наблюдения. Отнимают бинокль: мы не в театре.

Народная этимология

«Они ведут себя проститутками и привратниками», «они распустят электричество» (цит.). Люди лежат под неводом и от скуки непонимания нашаривают дно языка. Проститутки и привратники – бестелесные механизмы, с помощью которых можно передвигаться. Обрети они тело, это была бы звякающая металлическая конструкция, тело без органов, управляемое ведомыми.

Людей так медленно тащат сетью, что они мнят себя неподвижными, продолжая нашаривать дно языка.

Чашка

...и он превратил котёл в изумрудную чашечку. С тех пор один пытается разглядеть в ней невидимую для обычного зрения кипящую воду, другой переживает за грешников, которые в ней варятся, а рассказал мне об этом третий, который её украл.

Пауки на гладильной доске

Вознесли, чтобы сделать лёгким. А надо было вынести из его дома лишнее. Мы повсеместно меняем лакуны на хлеб, и чужие определяют непонятные доселе предметы ненужными, быстро исчерпаемыми словами. Фрагменты речи исчерпаемых, словно ископаемых. Пауки на гладильной доске. Не хотят уползать. Каждая идея поблизости — проволока под белой глазурью.

Кража

Вместо «стихи рецензировались»: «стихи разворовывались». Стать неизвестнее — разворовать. Часто крадёт неизвестный, немыслимый. Если тебя нет в мыслях многих, бери что хочешь. Когда нападёт дождь на твоё незаконное сердце, кого позовёшь — писателя, наветчика, заражённого? Все они — волки на могиле. «Я вечно под солнцем», — говоришь ты. Твой мир — подсолнечный, как масло в бутылке, а там не масло должно быть — письмо.

Наставники

Хочется, чтобы наставники с главной улицы чаще рассказывали нам, как относиться к деревням, которые мы покинули, и способам разобрать наш почерк без секретаря. Вы должны, скажут они.

После этого слова они рухнут в лужу цемента. Он втянет остатки их волос, придётся выдирать с кожей. Нечто подобное делал Рон Эйти, а значит, у них появится повод прицепиться к более осязаемой традиции. Раньше они видели в каждой книге цемент гладкова.

Поведайте нам, каким почерком писать на боку ускользающей туши, почитайте нам патриархальных книжек, громких, словно стук пьяницы, перепутавшего двери в четыре утра.

Какое счастье стать миндальным порошком и залепить тебе глаза, тварь.

Лучшее

Лучшее своё произведение я написала в семь лет: «Одно облако похоже на петуха с дубиной». Иногда я пытаюсь вспомнить или хотя бы представить очертания этого облака, но не могу.

У ворот Эчмиадзина

1.

Я не могу разрезать этот сон надвое так, чтобы ни одна из частей не порождала стыд. На первый взгляд это легко сделать, но если пространство можно разделить, будет и второй взгляд на него. С одной стороны — тлеющая природа, с другой — водонапорная башня.

2.

Помещала пустоту в разные ёмкости, а надо было продать её, как помещица — деревню. Теперь в руках лезвие, плоское, словно грудь. Но в груди помещается сердце, а в лезвии — ничего. Если девушке часто говорить, что её грудь слишком плоская для настоящей жизни, девушка найдёт себе нож.

Десять лет назад надзиратели говорили: у тебя нет ничего, кроме таланта. Вот он — острая плоскость, только в пирог его запечь и оставить на скамье у ворот упакованным в целлофан, как матерная книга. Раньше я не помнил твоё армянское имя, теперь не помню русское. Могла бы рисовать ворота — нарисовала нож. Зачем, сказала она, делать ворота — вот они стоят. Я вернулась к ним, чтобы что-нибудь подбросить.

Сядем, посидим с тобой на лавочке, покурим, глядя в землю, будто в землю, будто выбрались из земли плоскостная перспектива А, плоскостная перспектива В, плоскостная перспектива С и председатель земного шара, и нам не надо их совмещать.

Нет этой скамьи у ворот Эчмиадзина, есть камни над головой, серые, но если долго смотреть вверх, они станут красными, как земля.

3.

Аргументы, ворох полусырого белья, закрывающего сушилку. Под ними не разглядеть, сколько у неё прутьев. «А зачем их считать, какое это имеет значение?» — «Колония должна была появиться, потому что А или потому что A^2 и A^3 ?» Всё, теперь с тобой тут разговаривать не будут. «Вы лучше скажите, это серая тряпка или оливковая? Это важно».

Зачем мне рисовать, спрашивает С., когда есть фаюмские портреты? «Ну, ты можешь нарисовать русский язык. Если бы я умел рисовать то, что ненавижу, был бы счастлив».

Но это я его ненавижу, не она.

Моя любимая книга – это Библия

Вразумись, пойди в парикмахерскую. Там красотка с бритым затылком и косами вокруг головы. Она встречается с уродом, ты — с бездарем, всё в порядке.

Напротив канцелярский магазин, где продают открытки, их тела исчерчены словами, которые принято звать пустыми. Раньше они были другие и на слуху – «желаю здоровья, успехов в работе, мирного неба над головой».

Ходят чужие, их тела исчерчены татуировками, одно тело встречается с бездарем, другое — с уродом, и не забивай себе голову чушью, что есть душа, — в голове то же самое тело, не думает про бездаря и урода, читает Аристофана — о том, как с неба свесился чей-то еблет.

И ещё видел я вокруг головы: место леса, а там город, место волос, а там бритый затылок, место суда, а там продают пустые открытки, на которых следует умещать десятистраничные исковые заявления. Место меня, а там ой что делается мама дорогая.

Нет ничего нового под солнцем, кроме нового неба и новой земли, придёт новый бездарь и новый урод, будет впаривать свою биографию, свои чернозёмные книги, чем-то исчерчен воздух вокруг головы.

Место мяса, а там чернозёмные книги, место мяса а там чернозёмные книги всё в порядке я бы всё воскресенье спал.

•••	•••	•••	•••	•••	•••	•••	• • •	• • •	• • • • •	•••	••••••	•••••	•••••			
*** ***																
•••	•••	•••	•••		к	oc	ы	к	ак	IV	ирн	oe	небо	вокруг	голов	ы.

Медленная могила

Медленная могила.

Одно слово мешает другому (?)

Отдай её в рост.

Она будет прибавлять по сантиметру в день, если её получит нормальный смертерадостный человек.

Посадит её на придомовой территории, приколотит табличку «Счастье землевладельца», и в канун государственного праздника могила растянется на весь участок, и дом обрушится в глинобитный квадрат.

И когда придёт директор фирмы, мечтавший захапать чужой участок под автомойку, то увидит прозрачную чернеющую глину и уронит туда полный пакет документов.

И наклонится за этой красной папкой из кожзама, и получит её обратно на воздушных рычагах. Откроет, а там дюймовая могила между подписями заказчика и исполнителя.

Ветер забъётся в документы, вытянет из одной подписи заказчика, из другой — исполнителя, смотри, у них искусственная кожа, она будет прибавлять по сантиметру в день, пока не скажут: довольно, в этом году мы выполнили норму по изготовлению чехлов для зарождающихся могил.

Если её получит ненормальный смертерадостный человек, она будет расти в цветочном горшке или балконном ящике с марихуаной.

Ветер забьёт собой документы – так, что ни одной буквы не останется.

Литература

роман в пяти частях

Пролог

Вместо эпиграфа: «У меня градиентная заливка вместо категорического императива» (Юрий Цаплин).

1.

Я занимаюсь литературой, потому что у меня не хватает ума уйти в дацан.

Единственная причина. Раньше думал: их много.

Нет, точку надо поставить здесь: «Я занимаюсь литературой, потому что у меня не хватает ума».

Какие причины были раньше? Я же говорю, никаких. Мало ли что я думал.

Надо было думать ещё меньше.

2.

Есть ли у них своя традиция?

Особая разновидность зоила: тонкое стилистическое чутьё в сочетании с дисграфией (Бобырев, Калинин).

3.

Районное ЛИТО «Родник»

Говорят, в районном ЛИТО «Родник» кто-то вывел определение «субъективная метафора».

Однажды мне предложили прийти в калининградское ЛИТО «Родник» с ремнём. Вместо этого я стал договариваться с другой парой насчёт групповухи. Муж другой бабы тоже предложил прийти с ремнём.

Это я к чему: намедни снился этот мужик, набирал на stihi.ru катрен о России. В лицо я его, конечно, уже не помню, а чьё лицо у него было во сне, тоже забыл.

4.

Деятельность некоторых литературных критиков можно охарактеризовать одной фразой Павла Зальцмана: «Козёл от нечего делать жрал цветы».

5.

«- Прошу удалить книгу: "Целительница нечисти". Причины:

Она заброшена и не будет законченна, а читатели читающие ее на что-то наедятся.

Я ее уже везде удалила и не могу понять, как она сюда-то попалась.

Неужели вам трудно? Меня эта книга муляет! Я на нее смотреть не могу.

Я буду надеется что не восстановят.

- Не надейтесь. Я восстановлю. Из принципа».

С добавлением свежих гробов

Пенсионеры заранее покупали гробы, чтобы семья не тратилась, но вскоре гробы стали изготавливать из новых материалов, которые надо закупать, пока не испортились. Они либо мумифицируют тело, либо мгновенно разлагают, но если такие гробы приобретать залежавшимися, они заражают почву. Началась борьба между производителями свежих и поставщиками устаревших гробов. «Свежие гробы как бонус к турпоездке».

Директор дома престарелых купил по дешёвке партию просроченных гробов, чтобы благодаря массовому захоронению отравить весь город. Теперь мне снится, что я единственный спасся оттуда, как последний человек на земле в непереведённом романе Мэри Шелли, и этот сон я тоже полностью не переведу.

Стать единственным — дурная задача. Некоторые хотят, чтобы их сравнили с чёрной розой, пропитанной лизергином, но их сравнят с быстрорастворяющей(ся) могилой. А что с мумифицирующим веществом? — да ничего, какой смысл о нём говорить, не по карману.

Прозрачный хлеб

Видишь прозрачную буханку хлеба. Всматриваешься. Понимаешь, на сколько ломтей можешь её разделить: именно ты, прямо сейчас. Хлеб в упаковке кажется нарезанным. Два нижних куска — ровные, дальше рука дрогнула, и получился толстый кусок с полуоткромсанным краем.

Прошла минута. А сейчас ты нарежешь совсем ровные, потому что птица за окном замолчала. Хлеб — стекло. Люди подходят и разглядывают сквозь него стену, головы чужих, другие товары на прилавке.

- Эти люди покупатели, а не наблюдатели?
- Да. Нет.

И они видят первыми глазами — на сколько ломтей разделят хлеб, а вторыми — стену и головы чужих и закрывают вторые глаза.

Разъединяется на фрагменты твёрдого стекла так легко, будто из мягкого стекла. Ты ждёшь, когда появится неровный кусок, а если с самого начала всё шло безукоризненно...

- Ничто и никогда безукоризненно не идёт. Думаешь, ты одна поняла про стекло и рассыпалась на толпу наблюдателей, а похожие на тебя существуют где-то далеко настолько похожие, что их просто не может быть, и всё это оправдывает твоё ничегонеделание? Вот Н. ничего такого не видит.
 - Она младше, сказала К., она увидит потом.
- Нет, она хороший человек. А даже если и увидит, к тому времени она перестанет меня интересовать.
 - К. вышла на улицу. Красиво, только планировка

странная: сорок восьмой дом рядом с первым. Соседние сиденья в автобусе заняли две дёшево одетые брюнетки, похожие на моложавую мать и старообразную дочь, одна из них с жёлто-синим маникюром.

Если это кавказки, подумала К., значит, просто совпало, но есть же украинки, похожие на чеченок. На этой улице прозрачность не укореняется. Когда К. показалось, что она определила происхождение, одна из женщин строго посмотрела на неё, К. тут же забыла, что она определила и которая из женщин подняла голову.

- Да ты просто хочешь увидеть мою башку стеклянной, говорил враг, когда она ещё не покинула прихожую, а потом нарезать кусками и продать.
- Нет, я хочу, чтобы другие не строили из голов стены, ответила К. Неважно, из каких.
- Красиво звучит как торговля стеклом. Оно звенит или светится. Неважно, какое.

Пассажирки рядом помрачнели, кто-то открыл дверцу в потолке, хлынул воздух. Да, я не верю, что они могут быть чеченками из ларька и при этом знать тонкие вещи, подумала К. Да, наше стекло — это такие чёрные значки. Некоторые полагают, что столкновение значков — главное, за что нужно бороться, а на самом деле буквы — словно жуки на хлебе. Но не убивать же. Они живые. Женщины рядом застыли, словно мёртвые. Эта верхневоздушная улица разделит меня, подумала К. Эти женщины — раз я ничего не знаю, буду считать, что они сёстры.

Железо правильной стороны

В юности N не любил технику, не догадываясь, что она медленно уничтожает следы воспитания.

Пишешь, по завету Ильича, только правой, но печатаешь обеими, словно тебе снова пять лет и ты амбидекстр. Следы советской школы — как язва на тыльной стороне ладони; если пользоваться обычными средствами, не поможет: сумасшедший-то он сумасшедший, но мылом-то это не смыть.

Одна учительница сказала, что буквы с наклоном влево у правши означают отклонение — забыл, от чего — правильного курса? В школах больших городов учителя, случалось, читали забавные лекции о врождённой шизофреничности левшей, но здешние наставники были для этого слишком глупы. Или педагогичны? N увидел это слово в серой книжке Гиппенрейтер по возрастной психологии. Отец говорил, что Гиппенрейтер — еврейка, евреям верить нельзя, а книгу ему то ли всучили в институте, то ли какая-то курва подарила на седьмое ноября.

Трудно выгнать из дома дурака, если это твой отец.

Около двух недель в начальных классах проучилась чужая, очень светленькая девочка. Её звали как N, только на женский манер. Люди белой масти казались N вдвойне чужими, но не вызывали ненависти: скорее, у него был повод возненавидеть собственную темноволосую семью и вместе с нею — всех чёрных людей мира и полюбить иных, но симпатия к белокурости — почти sympathy for the devil. Даже отец N не решался на фашизм. Но если бы итальянские фашисты побе-

дили, сделав правильным курсом чьё-то чёрное щячло и наводнив города плакатами со смуглыми мужиками в белых рубашках, — отец, несомненно, грохнул бы сбережения на самую удачную копию культовой зюйдической агитки. Заметка на полях: чёрные рубашки меняют на белые после победы, одежда отличает человека от жида — как же ещё различать их, если они оба тёмные. Впрочем, можно рисовать жидов рыжими, утверждая, что темноволосые евреи — потомки хазар, небезнадёжные, значит, существа.

Тут N задумался: не будет ли в зюйдическом рейхе обязательной леворукости? Мать говорила: ты упрямый как баран, — значит ли это, что память об уничтоженных возможностях сохраняют лишь упрямые? Вдруг половина людей на самом деле тоже способна рисовать обеими руками?

Белокурой девочке в виде исключения разрешили писать левой рукой. Дети косились на неё. Задержись она в этой школе подольше, не миновать ей великолепных правил. N попытался вспомнить, подходил ли он к ней, спрашивал ли: тебе удобно писать левой рукой?

(Тепло ли тебе, красная?)

Голова показала пустой серый квадрат.

Это не цвет вытеснения и тем более не вытесненного воспоминания, а цвет покоя, подумал N. Когда вытесняют? Когда в башку въедается винт: он пожирает кожу, сосуды, кости и становится больше, его природа — металлическая; это железо *правильной* стороны?

Ответ на этот вопрос будет — да ничего не будет, человек с неправильной серой пустотой так и будет стоять возле школьной парты, изрисованной косяками,

слева надпись «Гашиша нет» (стихийный Магритт), ему исполнится пятнадцать, он решит, что находился на пороге платоновской пещеры — между теми, кто забыл полезное убитое взрослыми, и той, кому просто не из чего выбирать, девочкой, похожей на вылинявшую репродукцию. Но тебя не было ни на каком пороге, ни в какой пещере, теперь у тебя смесь опия и гашиша, тепло ли тебе, какой рукой ты чаще берёшь зажигалку, это неважно.

Русская мысль, набитая требухой, пещера, набитая мыслями о мнимом переходе. Альфред Кубин говорил: в смерти субъект выходит на диагональ между пространством и временем. Но женщина и всякий другой человек неправильной стороны в этом мире объект, поэтому он/-а умирает, когда умирает. Если N не печатает, то пишет правой рукой, чтобы перечёркивать: таким, как он, надо что-нибудь перечёркивать, напоминать себе каждый раз, когда снимаешь колпачок с авторучки, что могли бы переучить навсегда — и только действия, а не слова закрашивали серые квадраты в голове белым. Да, ты по-прежнему не помнишь, спросил у неё или нет, но теперь тебе на это плевать.

Развороченный левый край. На правый не оглядывался, зная и без того. Только по середине удобно ходить, а сделаешь лишних полшага —

Пока он думал, что середина повсюду, было тихо, потом стало слышно, как падает снег, похожий на метаморфин, покрывая разодранную слизистую оболочку. Внутри краёв живут все наши пустые головы, а середина живёт сама по себе. Снег становится шрифтом, слов-

но пишут белым по белому. Но ведь нельзя шрифтом по шрифту: что-то всегда рабочее поле, а что-то — знаки. N вглядывался, пока ему не сказали: разделять поле и знаки — всё равно что разделять левое и правое, — и он подумал: вот, даже сейчас меня стараются обмануть.

Лестничные времена

Н. Г.

«Нормальные люди дома сидят, в отличие от вас, ополоумевших», — голос коменданта будто приобрёл оттенок сепии: грубые слова стали собственным устарелым и потому нормативным аналогом. Я чувствовал, что на самом деле мне говорят другое, но чем дольше я не двигался с места, тем сильнее смягчался оттенок, и источник смысла казался всё менее достижимым. Если же по камере долго ходить, воздух сгущается до хлопьев сажи. Раньше окна тюрем защищали живописными решётками, позже — бронестеклом и сигнализацией, а теперь сквозь них видно лестницу, которую невероятно сложно рассмотреть целиком.

Первые ступени легко охватить взглядом, а начиная с четвёртой тебя словно отбрасывает на третью, и большого труда стоит снова поднять голову. Но если долго созерцать первую, стекло приобретает свойства микроскопа. Впрочем, новых открытий не грозит: я и так знаю, что трещины — часть узора.

- Попробуй их посчитать будешь всегда счастлив, сказал мой бывший сосед, математик. Я попробовал ведь ему виднее, счастлив не стал.
- Не так посчитал,
 ответил он уже не столь уверенно,
 давай ещё раз и не забудь квадратный корень.
 Нас так учили.
 - И что, получилось у кого-то? спросил я.
- Говорят, что да. У меня нет. Почему тебе советую бывает, что интуиция дилетанта эффективней. -

Тут я окончательно возненавидел популярные формулы. — Слушай, — примирительно сказал математик, — моё искусство частично заключается в использовании непроверенных гипотез. Почему бы не затащить себе в голову ещё и эту?

- Эту не надо, - сказал я.

(За что я сижу? За подобные возражения.)

- Вертухай сказал: сейчас лестничные времена. Это что? попытался я перевести разговор на политическую тему, менее опасную, чем математика.
- Это значит, мы все в пролёте, сказал сосед. –
 В лестничном.
 - Нет, а серьёзно?
- Раньше на ступенях лестницы сидели коты. На первой один, на второй два, на десятой десять, и чем выше взбирался вождь, сопровождаемый ором толпы, тем труднее было продираться сквозь котов, не желающих пропустить друга нашего народа.

Поубивать котов означало навлечь на себя... нет, совлечь с государства защитный слой. Последняя ступенька была заполнена тварями, они стояли на задних лапах и сидели друг у друга на головах, загораживая дверь. Но вождь знал, что в хитрой комнате, куда лестница ведёт, не будет ни котов, ни других животных — подбадривающих и надоевших, от которых ему нужна только земля. Если повесить там свой флаг, силы другой стороны обернут к тебе стекло непреоборимого увеличения.

- Какой в этом смысл? спросил я.
- Мы все к этому стремимся, сказал математик.
- Я не стремлюсь. Поэтому я здесь.

- Ты вспомнил уже несколько причин пребывания.
- Их столько же, сказал я, сколько ступеней. Наверно. И каждую новую причину озвучивать тяжелее, чем предыдущую. Но даже если я пересчитаю их и извлеку из этой цифры квадратный корень, меня не отпустят.

Математик отмахнулся и продолжал:

– Вождь ворвался в комнату, запер за собой дверь и вскинул руку для приветствия, неожиданно сместив точку, через которую можно было увеличить его голову. Луч ударил в середину двери сквозь невидимое стекло и превратил незаметную трещину в пролом, куда хлынули коты и сожрали вождя.

Правитель, как понятно из вышеизложенного, не разбирался в физике и математике, зато знал химию. Он сделал всё, чтобы, во-первых, выглядеть моложе, а во-вторых, чтобы съевшие его пожалели о своём поступке. Мечтают ли коты о гиалуроновой кислоте? Они от неё мрут.

- Но люди часто мечтают о смерти, - заметил я. Математик перебил: - Потому и не охраняют лестницы.

Назавтра его забрали.

Я не знал, кто управляет государством с той минуты, как лестница опустела. Нам о таком не рассказывают. Подумал, что хуже: посчитать ступени или объявить голодовку. Наконец решился и заставил себя не задерживаться на узорах третьей ступени, желтоватой, словно имперский мрамор. Но это не мрамор — дерево. Его название я почему-то не вспомнил.

На следующий день я видел уже пятую, так же отчётливо, как первую, — стоит переместить взгляд уров-

нем выше, и ступенька точно приближается к твоему лицу, как бы высоко ни располагалась. Но теперь я всё хуже различал речь людей: сначала они заговорили стёртыми архаизмами, потом — на языке, от которого остались только чужие корни, а к воскресенью мои уши не улавливали ничего, кроме отдельных слогов.

Зато я увидел дверь. Вдруг, если я буду смотреть на неё так же долго, как на последнюю ступеньку, слух вернётся — ведь это не физиологический, а смысловой слух, — и нас безболезненно извлекут из камер? Но всё было бесполезно — или мой внутренний голос уже про-износил «бесполезно» вместо «безболезненно», и трещин на металлической двери просто не могло быть.

«Безбоязненно», — поправил меня кто-то. Я отвернулся от окна — пусто; снова посмотрел в окно. На нижней ступени сидел кот. Я понял, что завтра их будет уже трое.

Наладонник

Все тексты автора помещаются в наладоннике, вшитом под кожу между Венериным холмом и линией ума. Ты больше не заморачиваешься, где распечатать и как запомнить, не таскаешь с собой планшет; а если просто смотреть на руку, не пытаясь ничего прочесть, разглядишь только бугрящиеся точки. Когда автор умирает, тексты исчезают вместе с ним, нигде не остаётся ни одной копии.

Беспокоит ли это людей? Несомненно. Кого-нибудь из них. Но гораздо больше их волнует, что точки бугрящиеся, а не плоские, словно искусственные родинки, наладонник находится не прямо под линией сердца, он прямоугольный, а не круглый, и т. д.

На следующей неделе обещали разработать круглые и врезать их под линией сердца. Тогда твои произведения исчезнут раньше, за час до смерти. Видишь, теперь каждый из наших знает, когда умрёт.

А что остальные — развлекавшиеся на порталах без премодерации? Или не пишущие ничего? Как они живут, лишённые возможности хотя бы привести себя в порядок за час до смерти?

Литература не для того, чтобы приводить себя в порядок за час до смерти, говоришь ты. Но для чего же ещё?

Съедобное стекло

Она оборачивается ко мне и говорит: «Я сделала для кошек съедобное стекло. Они постоянно всё бьют. Так теперь хоть какая-то польза будет — сэкономлю на корме».

Я киваю. Недавно меня назвали истеричкой за отказ разделить чужие политические убеждения. Если существуют флегматики-истерички, должно быть и съедобное стекло. Не бутафорское сахарное, а настоящее.

Спрашиваю: а оно становится съедобным, разбившись, или изначально такое?

Она всплёскивает руками, словно в мелодраме, и я понимаю, что коты уже съели всю её посуду, а новую купить не на что – деньги ушли на химию.

Н

По-французски это «лестница литературного творчества» Элен Сиксу, вдох перед словом, но для меня это кириллическая Н, до которой съелась моя ненависть. Пиши, когда от твоего чувства останется одна буква, или дорасти Н до слова, заканчивающегося на мягкий знак.

Краеневедение

Если набрать это слово в поисковике — выплывет, точно снулая рыба, форум с обсуждением невежества и антипатриотизма. Х же не знает, где край у невежества, образованности, патриотизма, русофобии, слова, к которому вывернутое сознание присоединяет всё новые слоги.

Сливочный пирог с метадоном

Старуха в магазине говорит, глядя на маковый рулет: «Что они продают? Тут же дети!» — и мне хочется превратиться в сливочный пирог с метадоном, и чтобы меня не украли, а купили, как положено приличным обывателям.

ΛДП

Ни ума, ни фантазии. За последние два дня придумали рок-группу «Лечь да помереть».

- Рок сейчас не актуален.
- Вот поэтому лечь да помереть.
- Зачем столько лишних движений? Можно было просто не вставать.

Чтение

«Мне приснилось, что мы уехали в непонятную страну, забрав котиков». — «Не очень хороший сон», — отвечаешь ты. — «Потому что страна непонятная? Это нормально. Главное, что не родная». — «Нет — потому что без котиков».

Вместо «забрав» ты читаешь «забыв», ведь вокруг всё ещё родная страна.

Недостроенная церковь и железный каркас

1.

<...> честно? убавьте бога перепутал конфорки убавил другого как же так на краю возвышаясь не понимать людей

удивление неестественное как мораль

2.

Моя эвакуационная копия.

Меня оставят здесь, её вывезут, наверно. У неё должны быть отличия, например, она хочет славы. Я не спрашивал. Она говорит на другом языке. Говорила бы на моём, её бы не планировали вывезти.

На кого из нас найдутся исламисты с молотками? Они найдутся на всех.

Так что спроси у неё всё-таки, не стесняйся.

3.

Это как бадью с помоями выставили на мороз. Края у неё обледенели, выглядит это по-своему красиво, а если дотронуться без перчаток, руки жжёт. Вот и говорят, что это не помои [а огонь]. А в перчатках запрещено правилами, ну как правилами, я вот пробовал, не глядя на запрет, теперь некоторые разговаривать не хотят. Не со мной. Вообще.

Очень грустный ночной разговор

- «Я вижу в N средоточие таланта, а в тебе не вижу». Прошло время, где средоточие таланта N?
 - Да он просто хотел с ней переспать.
- C X тоже, но она его не так быстро послала, поэтому у X не обнаружилось средоточия таланта, а ещё надо было юбочки носить, разговаривать на октаву выше. Тогда бы точно обнаружилось. Лет на пять. А дальше им неинтересно.
- Ну хоть на сколько-то. По логике этих, в юбочках, надо пускай на пять, а дальше хоть пизда не расти.
- А дальше можно профессию себе придумать, это же не профессия. Созерцатели средоточия могут себе придумывать бадью с помоями, которая за профессию сходит, а тут никак.
- ...а что N? Прочитала недавно про аутистов и говорит мне: «Искусство узкий специализированный интерес. С тобой всё в порядке? Ну, чтобы мои дети знали на всякий случай». И что я ей скажу, что даже литвед неузкий неспециализированный интерес? Она лучше меня знает, она же стихи писала.

Средоточие, хрустящее, как подушечки. «Лакомство с начинкой для кошек».

Недостроенная церковь и железный каркас

«У нас на окраине растёт церковь священномученицы Лидии. Растёт, как дрова. Ну, она просто деревянная, архитектурных изысков столько, что издали как поленница. Я бы вместо неё построил храм в честь Лиды Юсуповой, но он не приживётся здесь и обернётся камнеломкой.

Если пройти дальше, там другая недостроенная церковь, из белого кирпича, а лежащая перед ней бурая металлическая конструкция напоминает кокон, с которого содрали шёлк. Вокруг личинки пилильщика должно быть ещё и железо.

На самом деле я не знаю, для чего предназначено металлическое сооружение, да и каменное, пожалуй, тоже. Даже распорядитель не знает, а то бы не забросил. Так что если тебе покажется, что моя голова состоит из недостроенной церкви и железного каркаса, вспомни, что на этой окраине ничего прижиться не должно. Она пустая. Но не настолько пустая, чтобы по-настоящему сопротивляться».

Гнёзда из воды

1.

Все, кроме сестёр и животных, уверяли меня, что я — это не я. Они видят меня пустым колодцем, куда можно бросить кусок сухой воды, напоминающий мет.

Не будь у меня такого сувенира, я бы принял его с радостью и хранил на полке. Но представляете ли вы полки в толще воды, на завитках горной реки, на дне, где вы пытаетесь увидеть свою сумрачную копию?

2.

«Здравствуйте, прошу вас помолиться обо мне, так случилось, что я беременна и курю, от этого и жить не хочется». — Молитвенный ящик.

Они говорят: если есть любовь, можно преодолеть всё, а если нет — ничего. Однако любовь меня вымораживала, потом растаивала, и я долго вспоминал, с чего всё началось. Я что-то преодолевал и в таком состоянии, конечно.

Я не люблю Ремарка, Сэлинджера, Мураками, жареные зелёные помидоры, поющие в терновнике. Пожалуй, мне бы понравился абсурдистский рассказ «Жареные зелёные помидоры, поющие в терновнике». Когда я был протестантом, считал, что идеальная библиотека — молитвенный ящик, где помещается много воображаемых книг. Это многое объясняет.

Цементировать как цеметировать¹. Нелепый англицизм.

Мой учитель видел исповедальность в текстах, состоящих из кусков чужих жизней. Они хорошо пригнаны. Как овцы к водопою, как один кирпич к другому

в нашем цементированном краю других учителей не водилось. Центрированном, я хотел сказать. Запятая не нужна.

Думал, вдруг, пока пригоняю, стану водобоязненным, словно кот, зато научусь видеть в темноте; в финале — ни того, ни другого. Это и есть послужной список. Зачем вам настоящий/дословный — отвратительная порнография, описания бесконечных путешествий, ненужный быт?

With one hand a pornogram and one hand on the grrrl, как сказал бы тот, у кого умер учитель 2 .

4.

«Сколько у тебя книг, которые ты не читаешь, вещей, которыми ты не пользуешься, планов, которые не осуществляешь, вместо них могу быть живая я», — говорила X, а когда человек другого пола сказал мне подобное, я ответил(а): у меня есть только план, и скурю я его сама.

Вы слишком живые, а я хочу что-нибудь вроде тени, которую легко продать. Но можно оставить её себе

¹ От 'cemetery'.

² Львовский С. Три месяца второго года: Стихи, проза, переводы. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002.

и наблюдать, как она разрастается вдоль моей диким виноградом. А кости — то, что останется от живых, — годятся только на корм собакам.

Чтобы выглядеть мужественно, мужчина должен нести о женщине фантастический бред. И правда, и сантименты дамских журналов не годятся: только вещи, будто сочинённые в симбиозе с инопланетянами про симбиотические связи инопланетян, делают мужчину достойным в глазах ему подобных. «Женщина» — Другая, непонятная, как черти, бро.

Только живые, слишком материальные, бредят так живо. Я бы доводил их до смерти, но как превратить их кости в тень? Когда они умрут, на районе закончатся собаки, некому будет скормить, на самом деле собакам кости нельзя, и ты тоже заболеешь, если будешь грызть то, что надо выкинуть. Лавровый листок дидактики.

Лавровый лист, кости, счастливая кухня, так Полин Оливерос и другая композиторка назвали совместный диск. Это как тяжелоатлетка в кедах с розовыми цветами. Как гвозди, торчащие из стремянки. Я наблюдаю за слушателями, им нелегко взбираться.

Когда чужие слушали «Лестницу в небо», я слушал Рунхильд, а теперь у неё сел голос, и она красится как образцовая телеведущая. Раньше это была девочкасмерть с фасцинативным тембром. Когда смерть начнёт умирать, мужик порадуется: 'a female lion roars louder than a male housecat'. Но на этом участке нет настоящих мужчин и женщин, только настоящая смерть.

Мне регулярно поднимают плату за участок.

Я так полюбил смерть, что спасаю живые существа. Смерть не должна вить гнёзда рядом с ними, добивать грязно и бестолково — я люблю её не как птицу или мужчину: я разговариваю с ней как мужчина с женщиной:

будь, пожалуйста, послабее.

Ты обязана быть красивой.

Что вас не устраивает? Именно здесь такая любовь считается истинной, а остальное — феминистскими комментариями. Я бы не смог так относиться к живой женщине, кошке или сове. Говорят, смерть — это мужчина, и после операции он станет высокомерным угловатым андроидом, мечтающим потрошить genetic girls. Словно овец. Тогда я буду наблюдать, как силикон порождает червей. Грудь и черви для приманки нынче делаются из одного материала, почти как смерть и спасение живых существ.

Я не искал любви, я искал свободы и нашёл политику, и если бы не политика, не увидел бы, что N возле фонтана с питьевой водой напоминает уличного кота, пьющего из лужи. Смерть должна вить гнёзда из воды.

Шняга про святых шлюх

1.

Голос девушки шепелявый, как мягкий наждак. Очень длинные распущенные волосы, матовое лицо.

— ... и я иду к ней с сердечным клапаном — зачем тянуть за хвост резину? И она сидит надо мной и реально давит. у меня уже слёзы, и я не могу ей ответить. я просто не могу ей ответить. я не могу ей ответить, ты слышишь меня?

Её слова одинаковы, без заглавных букв. От плача сел её голос, или это дефект речи? Мы рады её недостатку. Многие девочки боятся низкого тембра и стараются говорить как можно выше, поэтому каждую их фразу, как дешёвую посылку, запечатывает визг.

Будьте благословенны те, чья речь подёрнута шелестом. Девушка не знает, от чего умрёт: «коллапс»? или «параллакс»?

- Не смертоспособность в ней запомнилась, а то, что она жутко удивлена своему неумению противостоять. И всего-то другой бабе, а если будет насильник?

Они думают, умение само вырастет из человека, воздуха или стены.

2.

Днём я понял, что умру, и забрёл под арку в неизвестный двор. Ни одной гниды в тренировочных штанах, только дети.

Одна девочка на скамейке, окрашенной в радужные

цвета, сказала другой:

- А как его убить?
- Можно засунуть карандаш ему в рот, сказала другая.
- Тогда надо, чтобы вместо грифеля был гвоздь. Желудок не пропорет же.
- Если гвоздь сунуть в точилку, он её сломает и так и останется тупым. Как точить гвозди?
- Людей совсем нечем убивать, девочка распахнула глаза. Хорошенькая такая, белокурая, в ярко-розовой юбке.

На улицу вышла грузная молодка в ярко-розовых шлёпанцах и шугнула детей. Они помчались на ту сторону двора. Там было что рассматривать — бутылки, говно.

Баба напустилась на меня: «А вы чё тут сели с пивом?»

- Я не педофил, сказал я. Вообще детей не очень.
- Я тоже не люблю, доверительно сказала она и направилась к арке. Больше я её не видел.

3.

– ...да вы знаете: я прошла вам всю дорогу?

Старуха на почте: уже сменилось пять человек у нижнего окна, шесть человек у верхнего, а она толчётся в середине, как целая толпа.

- А зачем мне ещё раз идти? Вы можете... с трудом вспоминает она слова, пояснить? По телевизору показывали, что я не знаю.
 - Нет, не могу, отвечает почтобаба, серая и в пыли.
- Видите, как. Теперь семнадцатилетние всё знают, а мы жизнь прожили другую. Мы верили людям. -

Она долго смотрит на стенд с огромными цифрами индекса и спрашивает меня: – Девушка, а какой тут индекс?

У сильно близоруких расширенные зрачки, как у наркоманов. У меня были такие до операции. У старухи зрачки в порядке. Цифры не так близки, чтобы предположить у неё дальнозоркость. Бумаги подписывает — зрячая. Может, она проверяет меня — совру или нет. «Люди сейчас такие, что даже индекс правильно прочитать для других не хотят», — думает бабка. Однако же, насколько она боязлива и нерасчётлива, если выбрала для проверки милое существо вроде меня. У двухметрового мужика спроси, раз ты такая отважная борица с современностью.

- Стенд напротив вас, - говорю я. Бабка могла выпасть из реальности, а не проверять её, но мне всё равно.

У неё древнее бежевое пальто, прекрасный платок, чёрный, как магнит, и аристократическое лицо, с каким нельзя доверять людям.

Правильные славянские черты — размазанные, как мозги по стене, а это что? Это чёткость чужого, и его будут надламывать.

— Чего, — переспрашивает чувак в дредах у своего приятеля в гоповских штанах, — какой тут инцест? — И оба придушенно ржут, мешая работе почты.

4.

- …я знаю, какие тётки говорят чушь — что девушки до двадцати лет хотят не секса, а пообниматься и «головку на плечо преклонить». Тётки, которые не только умучены нравственными родителями, но и рано постарели. Им не достанется красивых и опытных мужчин.

В юности они не понимали, чего хотят. Им мамаши натрепали, что вот это вот желание называется «преклонить». Секс для них плотно увязан с насилием, вообще с чем-то плохим. Поэтому злобу, зависть и ощущение, что им уже тридцать пять, а они нужны только уродам, тётки сочли желанием секса. Такое действительно поздно появляется — если появляется.

 Значит, если судить меня по их мерке, я секса не хочу?

Так я святее всех святых.

- О, вот откуда взялась шняга про святых шлюх.
- Да нет, говорю. Не отсюда.

Грехи

1. Глупость

Эти значения казались мелкими, помещаясь между А и Б. Теперь я не понимаю — я не постарел оттого, что изначально видел, где их можно поместить, или оттого, что недооценил их масштаб? Во всяком случае, они рельефно выступают на гладкой поверхности.

Когда-то я перепутал двери, и сокурсница В. назвала меня идиотом. Я приехал из глухомани, но прочитал больше многих - сочетание, вызывающее одновременно зависть и желание уязвить. Больше всего В. ненавидела глупость. Потом мы помирились, но я продолжал считать её дурой (по-настоящему умный человек не декларирует неприязнь к идиотизму с таким надрывом), и, наверно, это было взаимно. В. окончила институт, который я бросил ради столичного, и вернулась в медвежий угол, где добилась съёмной квартиры с холодной водой; вода, видимо, и довела её до единой партии. Я будто бы добился большего, но сейчас, когда единая молния расщепила сразу несколько деревьев, думаю, что В. права: относительно её убеждений, напечатанных сегодня на едином листе для блага живых, по-настоящему живых существ, - я правда идиот и до сих пор хожу не теми дверями. Они открыты, но снабжены табличками «Выхода нет». Открыты.

2. Ложь

Из разговора:

- Творец - это разговорная тварь. Типа бабца.

- Баба не тварь.

Они назначали меня тварью, не тратя времени на выяснение, поэтому троим из них я солгал, что люблю. Если бы изначально соглашался быть бабой, врал бы гораздо чаще. Главные случаи вранья относятся к периоду веры в бога. Бог подъедает лучшую кашу с наших тарелок: просыпаешься — и кажется, что вещества и воровство тебе простят за то, что возлюбил(а) много. Хотя что прощать-то? Какой бог без вещества и воровства?

Из-за любви к фантому остаётся мало сил на любовь к людям, даже умеренно живым. Но как не любить фантом, если в тысячах книг написано, что лишь он принимает тебя таким, какой ты есть? Прямо помутнение. Читать надо меньше. А ещё верующие горды и тщеславны, постоянно хотят что-то доказать. Например, свой актёрский талант, при условии, что ты не актёр. Ты же верующий, у тебя в голове установка, что вера поможет горы переставлять, а уж ломать комедию – тем более.

Однажды я разыграл наркофобию, отказавшись дуть в общаге, чтобы не донесли. Такой гордый был, что на меня всё время доносили. Мало кто знал, что из первого университета меня чуть не отчислили за вещества и что благодаря им я обрёл фантомы — так я круто играл.

Потом А. сказал, что я прямолинейный и хотел бы изображать всякое для выгоды, но не сумею, а умел бы – вырастил на подоконнике конъюнктуру, словно траву. Это меня взбесило, я же верующий был. Я решил инсценировать любовь к малорослому пьянице Б. Неактуальный формат. Улов со дна поганой реки. Чтобы труднее было поверить, но даже А. поверил. Сказал:

«Ты такая счастливая!» — а потом я от Б. публично отрёкся. Голос разума сказал: они поверили, потому что ты баба — тебе любить полагается; с другой буквой в паспорте у тебя этот номер не прошёл бы. Рано радуешься. Так, постепенно, я и стал атеистом: уж больно голос этот внушительно звучал, а верить в горчичные зёрна мне порядком осточертело.

3. Уестествление

Я забыл значение этого слова, когда поднимался по ступеням перехода. У вас такое интеллигентное лицо, сказал прохожий, не напомните, где тут книжный магазин? Я подумал, что интеллигентность — то ли забывчивость, то ли попытка вспомнить. А кто-то считает: это неумение гвозди забивать; я, кстати, умею.

Этот фрагмент следовало озаглавить «забывчивость» (?)

Песочное зеркало

1.1.

Они запомнят тебя – достаточно оторвать голову от земли.

Они запомнят тебя достаточно.

2.2.

Он старался не ссориться лишний раз. Вдруг человек умрёт, станет призраком и не то что будет мстить, а увидит неприглядные вещи обидчика, до которых при жизни не дотягивались глаза, и от призрачного взора сначала предметы растворятся, потом воспоминания, потом от тебя не останется почти ничего.

(Бесплотные не завидуют нам. Им хорошо настолько, что мы сочиняем о них страшные вещи. Черепа, мол, по стенам развешивают. Половицы, мол, скрипят. В зеркале отражается молотилка.)

Живые думали: он пьёт, чтобы удобнее было общаться с большим количеством людей. Я думал: он пьёт оттого, что правильных мужчин воспитывают королями, но жизнь у них оказывается вовсе не королевская — бабы ерепенятся, узкоглазые, опять же. На самом деле он пил, чтобы забыть растворяющиеся предметы.

Они настолько бесят, что как следует подумать о них не получается, и они по краю поля проползают, в тумане; вещи — словно красное рассветное солнце, которое на снимке оказывается белым. Белизна — символ растворения, порошок.

Нет. Просто вещи частично растворены призраками, и герой ощущает это как потерю. Я хотел спросить, как он подобное допустил. Неужели втайне поругался с А., когда тот был жив? Я спохватился: вдруг про А. он уже не помнит?

Да никто ничего не помнит. Порошок. В зеркале не молотилка, а твоя морда, на которой черти горох молотили. Не черти, говорит он. Существа, хорошие настолько, что наша зависть именует их сатаной. «Сатана» как «сотня». Зеркальная сотня.

Я сказал, что завидую ему, а не растворителям. Они поют на высокой до неслышимости ноте. А у него простое мужское счастье: сначала тебя спасли от неприятных вещей, потом стёрли из башки постыдное, и внутри остались новое небо и новая земля, а в старости из тебя посыплется новый песок. Ни в чём не виноват.

Да, в начале я сказал, что он старался ни с кем не ссориться. Так и есть.

3.1.

Каждый раз я вижу травянисто-зелёное пространство. Словно повторяющийся сон. Из-за того, что в детстве был близоруким и везде натыкался на фразу «зелёный цвет полезен для глаз». Детям запретили говорить о самоубийстве, даже выросшим, и я не расскажу, что в итоге стал мечтать о зелёной верёвке.

Конечно, всё было не так. Не мечтал я ни о какой зелёной верёвке.

Каждый раз я ради эксперимента пытаюсь подменить радостные и спокойные узоры мрачными образа-

ми, но они надолго не задерживаются. Травянистая верёвка вытягивает мой глубинный покой наружу. Если поднести её ближе, увидишь мелкие узоры. Они разбегаются волнами. Это покрывало. Хочу скрутить его обратно в бечёвку, колючую, как репей.

4.2.

Души всех животных, нами съеденных, ненавидят нас. Всех.

Поэтому А. стал вегетарианцем. Умер он по другой причине. По какой, не помню. Порошок.

Только попробуй вставить претенциозное на латыни, тварь. Только попробуй.

5.1.

Я только поднял голову от земли.

Разные вещи. Которая раздражает — ту удалят. Претенциозность. Кажется. Чего люди боятся? Они же после смерти любого понятия вытаскивают из шапки новое. На воре шапка горит, а тут она лежит себе, хватай и вытаскивай что можешь.

Молотилку.

6.0.

Пустой квадрат. Такой: (рисуется круг)

Всю жизнь рисуется. Наблюдаю за ним. Достаточно поднять голову. Как землю.

Песочное зеркало словно песочные часы. Постепенно складывает моё лицо из песчинок. Не говорить же: «порошковое зеркало». Я только поднял голову, но уже усвоил. Правила.

Предписывают не ссориться лишний раз.

Сталелитейные осы

Слишком больно смотреть вверх. Поэтому они налетают. Жужжат, требуя признаться. Я бы сделал это, если бы мне разрешили говорить в полную силу, но здесь нельзя: я их заглушу. В отместку они будут жалить, пока от меня не останется серый нержавеющий памятник. На этом отрезке памятником быть смешно, да и признаваться тоже.

Что бы ты ни делала, выйдет нож

Не бойся задушить человека заботой. Не бойся превратиться в человеческую вошь. Домашнее создание из мяты и муки. Что бы ты ни делала, выйдет нож. Захочешь задушить, а в итоге зарежешь.

Сепия

В редакцию пришёл пьяный. Заглянул фотографу через плечо и сказал: «Сепия — "цвет превосходной красоты"? Это оттенок дерьма. В позапрошлом веке жизнь была дерьмом, поэтому ретро-фотки — светло-коричневые. Сепия "делает снимок с ноткой лёгкой тайны"! Тайна — тот факт, что жизнь была дерьмом, ведь нам врут, что она была лучше. Мы это знаем и намекаем на это в картинах-под-старину. А чужие думают — мы производим специально для них мегатонны ванили. Хотим порадовать их неразвитый вкус. Когда же застариваем снимок ещё живущего, намекаем, что он — правильно, дерьмо! Люди сами подспудно ощущают, что они и кто, поэтому сепия пользуется популярностью».

«Чего? — переспросил верстальщик, стащив наушники. — Что застраиваем?..» Фотограф ничего не ответил. Пьяный взял чью-то бутылку минеральной воды и ушёл. Ему здесь и не такое прощалось. Очень хороший человек.

Роминтен

Видел в «Бауцентре» чёрные обои. Самые дешёвые среди флизелиновых. Не взял. Когда у меня будет больше денег, куплю квартиру побольше, а эту продам. Точнее, долго не продам, если там будут чёрные обои. Или надо будет специально искать сдвинутого. Но сдвинутые бывают не только нормальные, как я: они, в основном, как не я — то денег нет, то недееспособны. Можно купить несколько рулонов впрок, и они будут стоять в углу — потому что чердак я попросил заколотить, — символизируя моё чёрное будущее. Человек, который мне нравится, не одобрит чёрные стены. Он не читает маркиза де Сада и говорит, что фильмы ужасов придумал больной.

Я вспомнил, что хотел уехать на полдня в Нестеровский район, ближе к лесу, лечь на снег и смотреть на небо, но здесь у меня работа, а там — люди; спросят: если ты трезвый, почему лежишь на снегу? Впрочем, пускай спрашивают: меня обламывают не слова толпы, а сама толпа, она даже хуже, когда молчит. Н. говорил: под веществами небо совсем белое, — но я много лет не экспериментирую с этой ерундой. Всё равно у меня не будет ни чёрного, ни белого. Я никогда не уеду в Роминтен.

Русская литература

Зачем мне такая гадость, как русская литература? Ведь я просто милое пушистое домашнее животное. Вроде виверровой кошки. И мне надо заниматься простыми вещами – убивать и съедать!

Пустая трата

Видел тропу, кишащую муравьями, божьими коровками, пауками, скарабеями, и надо было идти. Вспомнил джайнов, сломил ветку берёзы, попробовал смести живность на обочину. Ветка стала прозрачной и постепенно исчезла. Насекомых становилось больше. Он искал взглядом пустую тропу и заметил её. Но когда приблизился, оказалось, что она заполнена странной жидкостью, словно глаз после неудачной операции физраствором. Подумал: эта пустая тропа как пустая трата. Но она должна быть такой, что на неё ступишь, а там будет воздух, и ты пропадёшь, не успев сделать ни шагу. Кто-то предумышленно убрал пустоту со всех его путей и просил передать, что её нет вовсе.

Мы были сетью

Мы были сетью — не я и ты, а я и другие. Не той, которой ловят, но той, которую растягивают над головами, чтобы защитить от сыплющейся с неба трухи. Эти, снизу, слышали невнятный шум и пытались перевести его на разные языки, а кто посмелее, поднимали глаза и видели тёмные и светлые пятна.

Тёмные и светлые пятна, будто у наблюдателей глаукома. Один из них написал стихотворение: «И точка чёрная в глазах моих осталась». Кажется, он думал, что смотрит на солнце.

Там, ещё выше, идёт строительство — наше мелкосплетённое покрывало собирает сырые куски извести, гнилые щепки, битый кирпич. Был тот, кто проведал, что небо — это мусор. Он не испугался. Ему хотелось быть высоко, несмотря на знание. Он размышлял: почётно стать первой или, по крайней мере, триста тридцать третьей ячейкой сети. Как будто участки сети пронумерованы; а даже если бы они были пронумерованы — это не имело бы никакого смысла.

Самое жуткое переживание

Самое жуткое переживание – это не ударить человека рукояткой ножа в висок поздней ночью на трассе, не очнуться в больнице с температурой сорок, едва находя силы дышать, - это когда твоё сознание одновременно присутствует в двух или трёх людях. Я в ужасе открыл глаза и попытался понять, а что особенного произошло: вроде бы, давно пытался провести такой эксперимент – вполне нормальный для здорового человека, ибо только для шизофреника подобное происходит не во сне, а в реальности. Меня не страшит неожиданность, а значит, проблема в другом: мне подсознательно не нравились приснившиеся существа - настолько, что совсем не хотелось в их головы. А может, с ещё большим ужасом подумал я, у всех людей головы таковы (мне и в своейто не всегда уютно)? Неужели мизантропия, подумал я в печали, смогла погубить и это.

Теперь я не боюсь, но подобное повторяется крайне редко, будто в тот, первый раз я упустил что-то важное.

Честница

Сербы называют честницей хлеб из освящённой муки.

– Нет, она вроде сахарницы. Насыплешь что-нибудь, закроешь, и слышно: шуршит, будто надкрылья белых насекомых, невидимый поедающий механизм.

Почему белых?

Истина бела, скажут вам. Сняв крышку, видишь ничего.

И это легко предсказать, и это звучит на уроке. На самом деле мы ничего не видели: не снимали — нечем: с той стороны у нас только

- надкрылья?
- монеты. Поедающие изнутри хлеб.

Песчаность

Когда гробы из песка высыхают на солнце и рассыпаются, человек приходит в себя живым. Если смотреть в упор, становится ясно, что всё иначе: он задыхается под песчаной горой.

Придут, скажут: умер из-за того, что ты смотрел в упор.

Ответь, что никто не делает гробов из песка — даже для мёртвых и даже здесь. Ну, ведь правда никто не делает.

1.

В те далёкие времена мне приснилась игра: надо назвать семь или десять любимых слов. За это получишь что-нибудь. Только семь или десять. Почему не восемь? Это число бесконечности, его нельзя трогать, — и я понял, что ни одного любимого слова у меня не осталось, да и что дали бы за них? Как говорила А.В., «никогда ничего не проси. У них всё равно нет».

Вместо «далёкий» я однажды услышал «белёсый». Этот язык – уже не язык вовсе.

2.

Андрогины равнозначны и разносмертны. У каждого два лица. Одно лицо умрёт так, другое — эдак.

Когда бог отдалённых мест умирает, у него два лица. Люди придумали ему третье, чтобы не умер. Иногда у него действительно три. Они называются «влечение», «отвращение» и «неведение». Если ты спросишь бога, что он делает здесь, в местах не столь отдалённых, влечение, отвращение и неведение настигнут тебя, и если скажешь ему, что возвращение бывает не вечным, а безмолвным, вокруг останутся только твоё влечение к этому богу, отвращение к его видимой природе и неведение относительно настоящей.

Жареная кровь

Не шум

Дано: А – программист, Б – не программист.

- B.-Я разучился писать от руки, а машина мне мешает.
 - А. Как мешает? Ты проверялся на вирусы?
 - Б. Там нет вирусов. Просто она машина.

А.[подумав] — Попробуй представить, что у тебя в компьютере шпионское программное оборудование, и кто-то в любую минуту может прочесть твой текст. Эта мысль заставит тебя писать от руки заново.

- Б. Одна фобия не лечится другой.
- А. Клин клином вышибают.
- Б. Это не клин. Это машина.
- А. [молчит]
- ${\bf F.}-{\bf M}$ да, если бы ты это кому-то другому посоветовал, он бы тебя потом к своему компьютеру больше не подпустил.
 - А. [молчит]
- Б. [спокойно] Всё равно все всё читают. Точнее, никто ничего не читает, потому что не умеют читать. И слушать не умеют: каждый второй без ущерба для нервов слушает попсу и блатняк говорит, что это просто шум. А это не шум.
- A. Ты разучился что-то делать, и с тех пор тебе кажется, будто и другие разучились слушать, там, или читать.
 - Б. Они никогда не умели, а я умел.
 - А. Ты в этом уверен?
 - Б. [молчит]

Без молотка

Если исполнительницы R'n'В никогда не вызывали у вас желания размозжить им головы молотком, вы не человек. Или ангел, или то, что любительницы арэнбишечки именуют «бесчувственная скотина».

Надсадный вой и вихляющаяся жопа. Один националист сказал, что таким образом цветные мстят белым за Вагнера и плантации.

Один космополит возразил, что по заказу белых мужчин проплачен весь этот омерзительный бордель. И если цветных женщин оставить в покое, они создадут тысяча первую копию Ани Ди Франко.

Второй космополит сказал, что если Ани Ди Франко, то уж лучше бордель, и националист почувствовал себя не в своём подъезде и ушёл читать сайт стихи.ру.

Фраза, которой ждут не мёртвые, но люди, любящие, когда их унижают. Они боятся чувствовать себя мёртвыми. Никто не оскорбит пустую оболочку, никакие зороастрийские похороны. Сила — это пустота. Некоторые из человеческих животных не выносят её. Внезапно ощутив себя сильным, существо тотчас же пытается вернуться обратно — оно нарывается. Бесконечно нарывается к жизни.

Вот как всё обстоит снаружи.

Дымный бар. Z говорит: у Y обнаружили злокачественную опухоль, вытрясли кучу денег, а это оказалось обычное уплотнение. Я говорю: как знакомо — только я не платил.

В том году в том городе был жёлтый воздух. Автомобиль сбил девушку через две проезжие полосы от меня. Я зачем-то верил в бога, и мне показалось, что он поступил с ней справедливее, чем со мной. Этого бога я уже не помню: всё-таки прошло одиннадцать лет.

А где нашли, спрашивает Z, и я откидываю волосы и показываю на шею: примерно здесь. Нет, отвечает она, не здесь, а ниже — почти незаметный белый шрам. [От бога же не осталось и шрама.] Я не по-настоящему люблю смерть — то и дело забываю, где хранится добрая половина её подарков. Казалось, что люблю, а выходит, просто недостаточно боюсь.

Дорогая Z, что бы я ни сказал тебе сегодня, ясно одно: тот, у кого столько пустоты внутри, никогда не отрастит настоящую опухоль. Я не знаю, как пода-

рить тебе немного пустоты, чтобы ты стала спокойнее, а если бы и знал, остатки вежливости помешали бы мне её [незаметно] прирастить — ведь это чужое пространство, а если бы и стал невежлив, всё равно эта субстанция плохо прижилась бы: это как собственные волосы блёкнут и отмирают под наращёнными.

У меня нет денег на кожаное пальто, как у тебя, вымотанно произносит она. Растрёпанные пряди падают ей на лицо, водка проливается.

Дорогая Z. Я бы подарил тебе своё второе пальто, но оно тебе велико — и мне, впрочем, стало тоже. Пусть висит где-нибудь или лежит; как похолодает, я его пристрою. Хотя в прошлый раз не удалось.

Чужие слова 1999 года

«Давай ты не будешь мне рассказывать, что я тварь. Так начинался мой разговор с Щ., проводником божьей воли, который лет через пять сторчался и начал писать в Интернете непотребщину, а ещё через год его кто-то прирезал, но мне это было уже неинтересно.

Нет, возразил Щ., мама сказала, что каждый человек — божья тварь. Если не просто тварь, а божья, да ещё «мама сказала», значит, я должен был ему верить, но я чувствовал, что здесь кроется обманка. Была весна восемьдесят третьего, мы учились во втором классе.

Ещё в тот день я отчётливо понял, что не люблю детей. Сверстники выглядели идиотами, а самые умные из них пытались говорить вещи, в которых крылась обманка. Дома, в дальней неприбранной комнате, лежал Новый Завет моего двоюродного деда. Отец объяснил мне, что дед, как и все родственники моей матери, — враг народа, и больше ничего о нём не рассказал — типа, рано об этом знать. Завет был тёмнокрасный и потрёпанный, как и другие старые книги вроде песенника про Сталина, а про бумагу, на которой он был напечатан, я читал в других книгах, что она называется папиросной. Я ничего тогда не понимал в бумаге и словах, на ней напечатанных.

В этом мрачном сборнике были странные истории о нерусских людях, которых автор предлагал уважать и брать с них пример, и я подумал: вот почему дядя моей матери был врагом народа, ведь наш народ — русский и советский. Странное существо по имени «бог» говорило мне, что я тварь, так как не могу сосчитать

все песчинки на морском берегу. Но я никогда не видел моря и не понимал, зачем мне это надо.

Через пятнадцать лет я случайно встретил Щ. на Василеостровской. Он работал в книжном магазине, курил траву и объяснял, что капитализм выцедит из человека кровь, пожарит и съест. В сущности, он всю жизнь говорил одно и то же.

Израиль, рассыпанный по земле манной крупой, иные говорят — мусором. Сам Израиль двусмыслен, как проповедь циника, притворяющегося, что верит. Спрятавший за шагаловскими полотнами и стихами нобелиатов всё величие собственного позора. Израэлиты — враги каждого народа. Это они усеяли мир накрест сколоченными перекладинами. Даже когда я закрываю глаза, бессмыслица их глаголов жжёт мне веки. Они свели с ума многих и многих, боящихся, что скоро придёт мессия и начнутся массовые казни, и никто не узнает, сколько будет длиться этот висельный шаббат.

Их весна мешает птичье молоко с грязью. Каждый должен прочитать их книги и почувствовать, как ноет запястье, будто сломано римским солдатом; каждый, когда пьёт водку, должен вспоминать, как сын плотника пил уксус, а если хочет найти себе оправдание — как тот же персонаж пил с проститутками и налоговой полицией. И ничего, что на самом деле это был не уксус, а обезболивающее, — забудьте о трогательном гуманизме римлян, милости к побеждённым.

Я помню себя ребёнком, которому снится, что бог выцедит из него кровь, пожарит и съест. Он сочинил себе сына, чтобы мы зачарованно смотрели, как тот

идёт по воде, и мы все умрём, а он так и будет идти по воде и смеяться над нами. Мы все сгорим, пока он идёт по воде, под зубовный скрежет святых, радостно мучающихся в ближайшем аду. Ад — он всегда ближайший.

Я говорю очередному самодовольному просветителю: господь — это утлая лодка, не ври мне, что он судоходная верфь. Его ученики всю жизнь плетут корзины, в которых потом носят еду для тех, кто не верит в бога или делает вид, что верит, носят мимо учеников, и им нечего на это сказать.

Лучше бы они сожгли меня, но они просто обнесли мой город частоколом, чтобы я туда не попал. Чужие, чья книга жесточе нашей, только нашу книгу уже не найти и не доказать ничего.

Ничего.

Я помню себя ребёнком, которому снится, что бог выцедит из него кровь, пожарит и съест».

Р. никогда бы это не записал: он экономил деньги на аренду мастерской. Визуальное искусство казалось ему более извинительным занятием, нежели какие-то книжки. Когда я видел его в последний раз, он работал на заводе и на выходных читал «Историю моих бедствий», чтобы не отупеть. Уже не помню, был ли он настолько умён, чтобы я мог разделить его опасения и попытаться помочь, а в итоге он начал рисовать на стенах съёмной квартиры переплетённые ивовые прутья, и хозяин его прогнал.

Кусок города

Не боюсь неприятностей: они странно выворачиваются наизнанку, словно был целлофановый пакет, а стала кожаная сумка. Однажды дураки задержали меня, и я вынужден был срочно ловить такси. Водитель поехал хитровыдуманным маршрутом, который я видел впервые. Понял, что опаздываю, как дурак. Тут мне открылся незнакомый красивый кусок города, тёмно-красные черепичные крыши и полуразрушенные стены, увитые плющом, — почти как на той улице, где живёт N.

- Здесь жила старуха, спятившая из-за кошек, сказал водитель и выкинул окурок в окно. Пару минут назад я собирался попросить его убавить адское радио, но передумал. Она отравила чужую кошку, а потом раскаялась и начала бездомных подкармливать. Но ей всё равно приснилось, что она уже мёртвая, а кошки превращаются в птиц и клюют её труп. Она после этого ещё долго прожила, года четыре. Кошек становилось с каждым месяцем всё меньше, будто их притравливали жэковские ловцы, и скоро у мусорки остались одни вороны.
 - А зачем вы мне это рассказываете? спросил я.
- Так я вас помню, сказал водитель. Наверно, у него был тяжёлый день.

Аппарат Фишера

Приснился австрийский учёный Фишер с манией преследования. Недоброжелатели якобы хотели незаметно довести его до суицида, чтобы потом не сесть за убийство в тюрьму. В припадке шизофрении он изобрёл аппарат, выявляющий потенциального врага по колебаниям энергетической оболочки, длящимся те несколько секунд, пока задержанный смотрит на портрет жертвы. Получив патент на изобретение, учёный напился и выпал из окна сотого этажа, что было немедленно истолковано как самоубийство. Аппарат указал на местного пьяницу, когда-то выигравшего у Фишера в шашки пятьдесят девять евро, и тот схлопотал пять лет общего режима. С тех пор к любому из нас могли вломиться полицаи и заявить, что он виноват в смерти человека, виденного один раз в жизни, да и то издали. Я ещё написал повесть об этом, но стёр.

До сих пор не понятно, кому была выгода от статьи «Косвенное доведение до самоубийства» и почему я тогда решил, что недоброжелатели учёного были вымышленными.

Праздник мёртвой Марии

Они отмечали этот день поздней осенью, вроде бы, между четвёртым и седьмым числом. Их говор напоминал люзинско-вейгеровский, но отдельные лексемы были явно позаимствованы из украинского языка; пейзаж напоминал Швейцарию. Когда я приехал, в деревне было сумрачно и сыро. Вокруг пастырского дома — ямы и замёрзшие лужи, по ним бродили чёрные косматые козы.

Священник, который согласился предоставить мне кров и пищу за умеренную плату, был примерно моим ровесником, лет тридцати пяти. Глаза у него были как замёрзшая черноплодная рябина, и он отрешённо смотрел на закат в оттаявшее окно.

— Здесь вам толком никто ничего не расскажет. В прошлом году приезжал Д., и вязальщица после трёх часов уговоров спела ему песню, сочинённую другим фольклористом в 1896 году. Скоро народ продаст расплодившихся коз, немного разбогатеет, накупит телевизоров, и вместо памяти у него будет мелькающая чёрно-белая дрянь.

Я хотел возразить, что любая память, в сущности, есть мелькающая чёрно-белая дрянь, но раздумал и вместо этого спросил: кстати, что тут произошло как раз в 1896 году? Мы на кафедре слышали краем уха странные вещи, но источников никто не видел.

– В девяносто восьмом, – поправил священник. – Закат хорош – правда, эти разводы складываются в портрет Иисуса в царской порфире? – Скорее это напоминает синюшные кровоподтёки на заднице проститутки, а снежное поле внизу — точь-в-точь простыня, подумал я и вежливо кивнул.

— Нет, не надо притворяться, — сказал пастырь, — это мы видим Иисуса, мы к нему привыкли, и любая горстка щепок возле поленницы под нашими взглядами складывается в распятие. Так вот, когда-то на окраине жил крестьянин, бил жену и детей, но это не бог весть какой грех — он прославился другим: судачили, что склочных собутыльников и чужаков он заводил далеко в лес и возвращался один. Весной 1898 года егерь нашёл в лесу труп приезжего, но вину крестьянина никто не смог доказать. Болтайте дальше, усмехался он, да, я однажды пошутил, дескать, жалею, что по закону могу рубить только деревья, а не головы, но это ничего не значит.

Однажды крестьянин пил на кухне пиво при свете сальных огарков, и вдруг за столом напротив него появилась богоматерь. Младенца Христа с ней не было, но дровосек сразу понял, что это она. Серое платье спадало на пол тусклыми складками, голова была покрыта пурпурной шалью. «Радуйся, пречистая», – сказал крестьянин, ибо с приходом её в каждой щели избы прочно обосновались тепло и свет. «Радуюсь», - ответила Мария и стала медленно умирать. Частицы её души, говорят, были похожи на квадратные кусочки воска, они выпадали из тяжёлых рукавов и застывали на полу, превращаясь в игральные кости, но вместо чёрных точек на них были двузначные числа. Все они вскоре исчезли, только настоятель на следующий день обнаружил в углу пластинку с цифрами 31. Дровосек, поражённый этим зрелищем, не мог шелохнуться. Через несколько минут перед ним был труп богоматери, такой же неподвижный, как он сам. Ангелы, шурша охристыми крыльями, встали по левую и правую руку Марии, вопрошая: «Свидетель, хочешь стать святым? После своей первой смерти ты будешь так же являться людям и умирать другою смертью у них на глазах, чтобы они раскаялись». Впрочем, это позднейший апокриф. Д. утверждает, что на кухне в тот вечер не было никого, кроме богородицы и её свидетеля.

Когда крестьянин осознал, что грешен, труп начал медленно исчезать — сначала растворились одежды, потом плоть, потом кости растаяли, словно куски льда в кипятке, и можно было спокойно жить дальше.

После того, как он поведал о случившемся, односельчане больше не болтали о нём чепухи. Он стал образцовым прихожанином и теперь поколачивал жену не только за пригоревший ужин, но и за недостаточно скромное выражение лица. Д. добавляет: «Ничего прекраснее лица мёртвой Марии он не видел, и ничто его так не радовало, как возрастающее сходство супруги с этим нетленным образцом».

- А как местные празднуют этот день? спросил я.
- Да обычно, ответил пастырь, пекут пироги, выпивают, это примерно то же самое, что и Рождество, только без ёлки.

Меня удивило, как охотно простонародье рассказывает про этот обычай, не видя в нём ничего кощунственного. Соль заключалась именно в этой обыденности: если бы они ежегодно съедали человека или, по крайней мере, закалывали чёрную козу на вершине

горы, не возникало бы чувства, будто тебя обманывают, не хотят делиться сокровенным, не выполняют обещаний. Пятого (или шестого) ноября я заглянул к старой вязальщице. Немногочисленные гости надевали в прихожей меховые куртки. «Ну, счастливой смерти!» — пробормотала им вслед бабка. «Счастливой смерти!» — вразнобой откликнулись они.

Стол украшали пустые водочные бутылки, стену — икона богородицы с закрытыми глазами. Фон вокруг её головы был багровым и серым. «Угощайтесь», — сказала старуха и протянула мне пирог с картофелем и грибами.

Вот бы увезти эту икону и сдать в музей, подумал я, это поспособствует скорейшей защите докторской. С утра я пил то в одном доме, то в другом, мне тут надоело, багрово-серый туман над головой, непонятные этим людям слова в голове, снег, грязь, я мог бы в это время сидеть в парижской кофейне, возглавить парижскую коммуну, посудите сами, как разговорить славян без бутылки, и всё равно в итоге они выложат тебе сказку, придуманную твоим предшественником, таким же языковедом-разночинцем, у них нет ничего своего, кроме повода выпить, да и повод они самостоятельно обосновать не в силах.

Немного позже я вернулся к пастырю, мол, старуха умерла. Нельзя ли забрать икону, тем более что единственный дальний родственник вязальщицы собрался в город навсегда и ему нужны деньги и незачем это сомнительное наследство. Сомнительное, говорите, поднял брови этот ханжа. Можно сколько угодно спорить о достоверности видений, но это изображение – раритет,

и если вы будете настаивать, я сообщу в полицию, и заодно они начнут выяснять, при каких обстоятельствах умерла старуха. Мне кажется, что при очень странных.

Эта вот, в сером халате, похожая на мою дочь, заявила, что у меня Альцгеймер. Счастливой смерти вам. Я тогда немного ошибся, мне надо было попытаться поверить, что всё так и есть, а сейчас уже поздно, целые куски времени выпадают из рукавов. У меня нет никакой дочери.

Медсестра пожимает плечами. Она почти уверена, что теряющие память бывают очень счастливы перед смертью, если их специально не мучить. Внутри у них чисто вымытое небьющееся стекло. В холле дома престарелых висит икона, Мария на ней такая живая, что, кажется, вот-вот умрёт, но это лишь кажется, мы же понимаем, что этот деревянный прямоугольник будет пылиться здесь, пока не придут чужие и не подожгут здание, пока небо не упадёт на землю, оказавшись чемто вроде берестяного короба, набитого дохлыми насекомыми и трухой.

Пятнадцать

Т. решил назвать себя гностиком, в том числе, чтобы приманивать темноглазых местечковых поэтесс. Некоторые из них не различали, где православная церковь, а где униатская, но легко велись на красивую болтовню. Только Н., с которой он пил глинтвейн в заснеженном Львове, предположила, что он, во-первых, скорее николаит, а во-вторых, просто повышает себе самооценку.

- Мне плевать на самооценку, сказал Т., собственно, я вообще предпочёл бы развоплотиться, раз пошла такая ерунда.
 - Почему бы просто не повеситься?
- Это неинтересно: слишком человеческое, почти так же скучно и банально, как строить начальника ЖЭУ.
- Можно же сделать интереснее подорваться в церкви!
- Так, кивнул Т., вот будет мне лет сорок пять, а до этого я буду записывать свои оставшиеся кошмарные сны. Мне ещё рано в церковь.
- Ты этого не сделаешь, заявила Н., и он стал рассказывать, как ему с малых лет пророчили то одно, то другое, а выходило всё равно третье, потому что Т. хозяин своему слову, не допускающий в свою жизнь чужие негодные слова.
- Н. предложила встретиться через пятнадцать лет и проверить его обещание на прочность. Что может быть забавнее, подумал он, вот через пятнадцать лет начнётся научный атеизм и взрывать будет нечего, а умирать-то пора. Впрочем, неужели даже в самом

лучшем обществе не найдётся где подорваться честному человеку? Тут он почувствовал на шее паучьи лапки демиурга и услышал шёпот: вот ты и попался, такие, как ты, должны уходить рано, чтобы не мешать мне, потому я и навлекаю на вас неистощимый страх перед старостью.

Сыпался дождь, небо было словно синяя джинсовая юбка, порванная в нескольких местах. За стеклом расплывалась ядовито-зелёная церковь — здание, снабжённое подсветкой, сигнализацией и парализатором, вмонтированным в алтарь.

Сегодня знакомый напомнил Т. о поэтессе Н., чья смерть уже три дня возмущала литературную общественность. Т. давно уже не читал стихов, выбросил из головы мистический бред и случайных идиотов и защитил докторскую по социологии, поэтому долго не мог понять, о ком идёт речь. Оказывается, Н. отказалась от своего либертарианского скептицизма. В день рождения ей выпала на таро десятка мечей, карта абсолютного предательства. Н. решила не дожидаться, пока близкие в очередной раз кинут её на деньги, и выпила пачку фенобарбитала. На её стене в «мордокниге» — прощальное: «Если без предательства никак не обойтись, лучше, если человек предаст себя сам».

«Когда она сообщила мне о результате гадания, — писал общий знакомый, — я счёл это шуткой. Н. никогда не наблюдалась у психиатра. Во всяком случае, раньше, когда неверие в Христа ещё не считалось тяжёлым неврозом».

В почтовом ящике Т. хранилось приглашение из

американского университета и электронный авиабилет на завтра, умирать ему было ни к чему, и выйти из дома в эту ночь его заставила только ностальгия. Он перешёл улицу, поднял глаза — фигурка повешенного над куполом казалась галлюцинацией.

Надо было сделать это пятнадцать лет назад, с улыбкой подумал Т. Да ну, ответил кто-то, уничтожить светоловушку демиурга никогда не поздно, более того — именно сейчас она предстала перед нами в своём завершённом, почти совершенном виде, со всеми этими плафонами в асфальте и сусальным блеском наверху, восхитительно лишняя, настолько не вписывающаяся в ансамбль этого почти европейского города, что хочется растворить её в кислоте. Если бы все эти годы ты не обрабатывал ничтожную статистику, а учился делать бомбы и отключать сигнализацию, сейчас вся площадь превратилась бы в гром и блеск, десяток автомобилей свалился бы с моста в ледяную реку, и сам слепой создатель на мгновение прозрел бы, чтобы показать нам мир в его настоящем виде.

«Он прозреет на целую жизнь, если мы перестанем верить в него и выполнять свои глупые обещания», — неожиданно для себя произнёс Т. и повернул обратно. Если бы его через пару секунд не сбила машина, он бы успел порадоваться своей мудрости и умению бороться с непостижимым.

Полуразбитое зеркало на стене церкви

Храм напоминал серый Казанский собор. Иногда — ухудшенный Кёльнский: его очертания менялись, как настроение Господа. Некоторые в упор не видели зеркало, а некоторые думали: если я буду смотреть, я не успею сказать, — и спешили на молитву; были и те, кто полагал ужасным грехом рассматривание собственного лица, особенно вблизи святой постройки, как будто вглядываться в себя всегда означает «любоваться».

Анемичная барышня с расширенными зрачками сказала, что настоятель вынес это зеркало из туалета. Священный дурак, то ли сам настоятель, то ли гость, увидел вместо отражения сатану и врезал ему крестом между глаз. Никто, кроме сатаны, там давно уже не отражался, но теперь, когда зеркало расколото на три неравных куска, прихожане могут узреть прекрасное: будучи разделённым натрое, сатана превращается в Христа, единого в трёх лицах. Не верю, что это действительно так, иначе зеркало уже давно открутили бы и унесли, не обращая внимания на сигнализацию. Пастырь мог установить скрытую видеокамеру и проверять народ: кто остановится посмотреться, тот подвержен греху тщеславия, а кто пройдёт мимо, демонстрируя презрение к нарциссизму, — тот гордыне.

Пастырь, конечно, не стал бы сообщать грешникам, которых знал в лицо, о своих наблюдениях. Было бы глупо заявить исповедующемуся: я видел запись с твоей довольной рожей, менеджер из соседней фирмы Иван Петров, и подвергаю тебя епитимии, — но тайное знание о свойствах Ивана Петрова наполняло бы его

гордостью. Настоятель ходил бы с такой же довольной рожей: ему это было дозволено.

Люди, однако, редко подходили к стене, словно боялись смотреть в эти осколки. Люди охотнее тянулись бы к целостному. Вряд ли вдоль разломанной стены плача выстроилась бы такая же очередь, как сейчас.

Я приблизился. Зеркало не склеили — его фрагменты привинтили на примерно сантиметровом расстоянии друг от друга. Я попытался увидеть сатану, но внутри не было ничего, кроме трёх моих колеблющихся отражений. Ничто не едино, сказал внутренний голос, сколько ни собирай части в одно целое, ни прижимай их друг к другу, стараясь сузить между ними границы, поэтому служители сегодня отказались от лжи и границы эти подчеркнули. Ни одно из трёх твоих лиц не равно одному твоему лицу. Это и есть символ нового учения. Мимо прошли двое парней, первый сказал:

«Опять художники что-то замутили, опять кого-то засудят».

«Интересно, сколько они заплатили, чтобы им разрешили это присобачить, — спросил второй, — и какой смысл так напрягаться, если хочешь остаться неузнанным?»

«Анонимность приближает человека к богу, — произнесла девушка с расширенными зрачками, которая смотрела в айпад. Она была чем-то расстроена. Может, ей не хватало на дозу. — Ведь бог запретил называть имя своё». Вокруг стен, которые постепенно чернели, клубился серый туман.

«Это жрец запретил, — ответил я, — наверно, потому, что имя к тому моменту не успел придумать: люди —

слабые существа, ограниченные во времени, им отказывает фантазия, они хотят спать. В конце концов, жрецы забросили в библейский суп кусочек правды: бог поругаем не бывает, — каждый может понять из этой фразы, что поругаем не бывает тот, у кого нет имени, кого, в сущности, нет». «Какие у меня расширенные зрачки, — сказала девушка, перемещая взгляд с айпада на зеркало, — всё, надо слезать с этой...» Она осеклась и стала крутить головой по сторонам — нет ли тут ментов.

Смирение

1.

Работа слов — гексаграмма «Смирение»: склоняешься под ними, как ветка под снегом, чтобы не сломаться. Понимаешь, ветка не заставляет себя сгибаться, она сама по себе такая, а что творится, когда человек пытается склонить голову, что в его голове

Будь веткой, если не можешь быть снегом, только не человеком

Жители города, похожего на ветку под снегом, как они выгуливают своих мудрецов без налобников

2.

Этот, как его. Прикреплял знаки — нечто перечёркнутое на белом фоне. На каждом углу, и каждый угол от сияния близкой белизны становился, как стол у Достоевского, овальной формы.

Дети решали, что они уже не наказаны, раз это не угол вовсе, и, заворожённые, наблюдали отсветы, не в силах сдвинуться с места.

Что за кляксы Роршаха пересекала косая линия, менялись ли их очертания от пристального взора, были это разные фигуры или одна и та же? Я присмотрелся и вспомнил притчу про гнедого жеребца и белую кобылу. Какая, к чёрту, разница. «Думаешь, легко выкрутился?» — спросили меня.

Умещаются на ламинированной карточке ваши мечты Между картоном и ерундой напоминающей стекло Напоминало напоминало да не напомнило

А мы растащили смирение по частям Кому голова кому голень Кажемся подруга подруге Высокомерными.

Предисловие к малоосуществимому тексту

Дьявола нет, и не для кого чертить круг, а лежащие восемь рисовать слишком долго и стало общим местом ещё во времена ожидания революции.

Второй революции, которую мы ждали, после девяносто первого года.

<...> Вытягивают твои соображения и впечатывают в стену линиями граффити. На самом деле никогда не знаешь, будет трафарет медленно осыпаться вместе с домом или его сотрёт рука благонамеренного послезавтра.

Отсюда мы живём с дырой в голове.

Дыры в головах словно пойманные камни. Когда камни настоящего стали прозрачными и начали просачиваться в лежащие восемь, их разъяснили. Камни вернулись, теперь их немного видно, они не прозрачные, а пустые.

Миф новостей расскажет тебе, какой ты больной, а у тебя просто вечернее зрение. Откуда берётся для тебя полуденный дом? У тебя самого для бога одни камни, одни ямы.

Бог - стена мясокомбината.

Один человек сказал ему: «Во что ты превращаешь меня, превращай дальше», — и подумал, что это хорошо весьма.

Говорящий подразумевал: «Оставь меня в покое», — и ждал, что бог оценит его тонкий намёк, но старуха возле куста бузины обернулась к нему удивлённо и злобно. В яме лежала кость, на вид прочная.

Как стена мясокомбината. Светлая, как сознание, очищенное от любви. Как наше будущее — колумбарий.

Вместо него до сих пор:

Литература, недоброй тканью обматывающая голову. Вода, что набивается в глотку, и надо вынырнуть, вспомнив, что никто твою голову не держит — нет у нас невидимых злотворцев. Голова, прочная, как яд, хрупкая, как яд. Её левая сторона, её правая сторона, между ними — яд.

Ждали революцию и получили посылку из красной курьерской службы.

Тексты 1999 г.

Лахта; земля замерла. Не хочу блуждать под соснами. Холодно всем.

Каменная память: на ней высечены имена, а чьи — не разобрать (мёртвый-мёртвый язык живых). Говорят, их носители... носители заразы. Теперь точно не вспомню. Снится, что Мартин Лютер превращает меч в метлу и выметает ею жидов из города Питера.

Только наши лица, опухшие от пьянства, станут картинками в книге небытия.

Сердца, вычерненные ложной любовью. Как зубы африканок. Красиво? Мир безнадёжен, судьи его свирепы, Казанский собор точно гроб повапленный.

Церковь моя – лазарет. В лечебном котле варится грязь. Заместитель высшего помешивает, но не пробует.

Девочка-смерть сушит бельё. Стоит и смотрит: семь одежд на верёвке, под ними зарождается плоть. Достигнув полного роста, тела осознают себя и тотчас же умирают. Последняя минута: семеро повешенных в тонком и сухом, как папиросная бумага, тряпье.

Подходит сумасшедший: «Ты знаешь, что у камня есть крылья?» – «Невидимые, да». Он обиделся.

Кладбище ваших правильных дней

- В тебе есть что-то настоящее.
- Настоящее мёртвое, как у человека, заглянувшего не в ту дверь.

Ни черта не выспался сегодня — не будет большого и светлого пути, правильного дня длиной в намыленную верёвку.

- Длинная это бечёвка, тонкая, в мотках.
- Я и не говорю, что эта дрянь должна быть километровой. Она ровно такая, какая нужна (не мне).
 - Ну вот надо же, а!

А надо было понтоваться с самого начала, выходить с заявлениями: «Я так же немыслима и свободна, как то, что меня убьёт». Я так же немыслима и свободна, как выдумавший петлю. 13.

Тринадцатый - вообразил, что сам её выдумал.

Сказать чужой родне: я не люблю вашего сына, просто употребляю. А то они думают, что все его обожать должны. И всё: дорогу на кладбище мгновенно занесёт песком. В четыре утра снится:

- бечёвка протянута через километры мокрого песка;
- по обе стороны от неё растёт лишайник;
- тварь, похожая на бабу на сносях, хватает за руку, пытается тащить вдоль линии. Освобождаюсь. Ударишь её она родит второго вашего сына, которого каждая должна любить, поэтому надо убивать её сразу. (Каждую убивать?)

«Дорога ведёт к морю», — указывая на бечёвку, говорит она, чтобы ей не пробили голову.

Вдоль земляной стены

1.

- Разрытый как лаз твой голос. Обрушатся земляные стены, корни травы умрут (,) через него (будет) некуда больше идти.
 - Но вы не идёте, вы вяжете кровьПерекрыли = украли

Параллельные линии равенства. Если идти вдоль земляной стены, увидишь, как они пересекутся, не увидишь, закроешь глаза на отрезке, известном под номером — не тебе известном.

All along the Earthtower, где пресекается дыхание воды, где Иудея — одна из девиц-лихорадок, не отсюда ли корни народного возмущенья

Корни этой травы умрут

2.

Спроси у строителя стен: — Тебе не скучно? — Он скажет: — Скучно было только в детстве, а потом я многое устроил, как мне хотелось: камни, песок, камни, песок.

Люди словно камни и словно рассыпаются, — и не знаешь, как ему говорить:

– Какой песок? здесь глинистая почва, вырванный с корнем подорожник, сбитый знак перехода, и рассыпаешься только ты.

Теплота обмана, (с)вязь тающего кристалла Королева Виктория умерла, но земля холодней не стала³

4.

Утром Сравнит, разломится, не успеет Каждый в этой земле Параллелен линии равенства. Каждый на этой земле Перекрыт, украден. Если идти Ты не знаешь, куда идти

Каждое утро ты на земле. Из тебя строят башню с глазами по стенам, дальше будет не хуже.

Радуйся, каменный разум.

5.

Каждое утро она земля.

 $^{^3}$ «Королева Виктория умерла, но еда вкуснее не стала». (Габриэль Витткоп. Хемлок, или Яды.)

Гражданская лирика

Перешёптанный край, переложенный на язык шёпота закон его, как лист бумаги, переложенный на край стола, куда падает солнечный луч сквозь пыльное пыльное

флаг этого падения нет сил дорисовать этот флаг кого я теперь убью/не напоминаю

Наблюдатель

Внизу у реки открылся рот для сжатия собственных жалоб.

У руки чужого открылся рот для поедания-вместорукопожатия.

Мимо швов на ладонях знакомых ты смотришь, мимо водоворота.

*

Вспомнил, что Соковнин умер в тридцать семь.

На улице маскировка покоя: огонь сомнительный горит — в доме у последнего фонаря, светло-лиловый, во дворе пилят дрова — у остальных жильцов двухконтурный котёл и радиатор.

Поверх тишины ложатся далёкие зубья звука, 37.

Пропасть тебя не узнает

1.

Человек приходит в себя мёртвым.

Ратуша. Низкий клёкот птиц. Мир не справляется с праздником.

Красноватые камни, зелёное кружево бреда. Человек приходит в низкий клёкот растений, ему не слыхать остальное.

Случается и так: умершая

девушка вытащила внутренности через горло, чтобы не гнить, остальное высыхало на солнце. Написано в травнике: «Гниль возвращает праздник».

Нам расскажут как снега насыплют, что вольный каменщик

Бродский хотел обтёсывать глыбы, а ему предложили тянуть колючую проволоку вокруг еловой готики русских равнин. О ком-то другой напишут в травнике: «Elena aliena». Трава приходит,

услышав, как ты зовёшь, и ей не слыхать остальное.

Человек произошёл от чего-то мёртвого.

Чувствует, как гниет: наркоз заканчивается, богу пора домой. Бог не справляется с праздником

твоей головы. У бога нет тела, и нужно ему величие. Зачем нужно чувство величия, когда не чувствуешь своего тела? Человек замечает камни,

отвечает богу: «Если хочешь построить меня, строй меня как мост, а не как роту солдат в шеренгу». Кто-то

выгреб снег из головы, и собеседник исчез. Проходит мимо рота солдат. А ты, значит, сука, на месте, и ты не слыхал остальное.

И теперь, значит, кажется, мёртвый. В ратуше божественные вороны, божественный праздник вокруг.

2.

Основа на основу накладывается для разрушения обеих. Разрешённое число (не) означает один. Тяжело без мантры поддерживать пустоту в голове. Человек создан для нелепой мысли,

траченой молью экзегезы, на основу которой ушло всё его разрушение, набитого под завязку словами числа; нехорошо быть одной человеческой голове —

не слушай что они там говорят что ящик делает тебя без единой мысли.

Электрическая гильотина. Каждое мгновение голову отсекают и возвращают на место, чтобы забыла о третьей основе,

чтобы шум. Человек доступен как разрушение, <не разобрать>, <этого тоже>. Число нехорошо подбирать одному. Лестница в твоей голове

тебе лишь мерещится, лестница в чужой — настоящая, лестница в твоей голове — настоящая, не смотри на неё, смотри в экран, там неверная расшифровка: «У немцев существо-пали так называемые народные книги». Книга — падшее существо, материализованная идея, которая смотрит изнутри своей новой плоти, понимая, что та ей тесна или просторна, а сделать ничего нельзя. Так же и ты, среднее между ангелом и животным, грибом и радиоволной. Ты был, работал сквозь небо пересечённым, пустым, но тебя обезобразят мыслями,

так, что пропасть тебя не узнает.

Вырождение дна

1.

(Я не верил, когда мне сказали, что она проходила мимо — там же) цельнокроеный лёд что сверху, что снизу.

От его поверхности отделяются похожие на искристую слюду существа.

Они тоже должны быть вещами верха и вещами дна, и верхние должны отличаться от нижних (думаем мы); не отличаются.

Грустно было бы разжигать темноту, ибо тёмный огонь здесь, внизу, не тот, что сверху, — мы ничего не рассмотрим, даже его не рассмотрим.

Только почувствуем, как съедает, если удастся ему доползти до рукавов по воздушным ниткам.

Думаем мы. Не отличаемся.

(Я не верил, когда мне сказали: «Она проходила мимо».)

Под кожей каждого — сыворотка прекословия. Не улавливаем шагов врага — они отделяются, как искристая слюда, от твоей развалившейся дороги.

Однажды остановили девицы йогина – попросили рассказать что-нибудь для забавы.

Есть, отвечал он, дакини, похожие на цветы росянки, на винты человекодавки, на лазейку для цветов. Одна из них — я не верил, что — проходила мимо, слиш-

ком тёмный огонь здесь внизу.

А мы, оживлённо спросили девицы, на кого из них похожи? – Он сказал: – На белую суету

Глупые вас поймают

Глупые вас поймают на белую суету

Всё станет правдой со временем, любая белая суета

Всё станет глиной со временем, любой

Лёд

Дорога расползётся, став глиняным озером, от него потянутся нитки, и никто не пройдёт, никто не вернёт своего врага.

2.

Вырождение дна - здесь полюбили рождаться умные.

- Такое не любят, - говорит N, - невозможно любить.

Возразили ему, что любить можно всё, а значит, всё можно — рождаться нарочно, назло, например.

Донная улица выстлана водорослями. Кто очень странно умный, тот говорит: красиво, — а мы привыкли завидовать другому и думаем: издевается.

Этих, главное, понаросло что-то много, не перебить за один день согласия и примирения с нашей судьбой.

Да нет же, отвечают они, это мы примирились — были там, куда вас не пускают, и, знаете, всё не так хорошо в этом сплошном электричестве. Просто уберите некоторые вещи со своих мест.

Ни слева, ни справа от меня нет вот этой вещи, той вещи, мне убрать то, что я не вижу? Из-за такого количества умных вода пестреет галлюцинациями.

Любить можно всё, правда? Нет, у нас тут свой, донный Христос.

Через удушающую страну

1.

Оттого, что нет мозгов у тебя совсем, приходят учителя.

«Страшно тебе?» — «Нет». — «А должно быть страшно». Не так смотришь, молчи.

Едва проснувшись, забыл, во что обращаться. «В ледяную проволоку. Так защитишься». Они говорят, что это красиво.

Прозрачная голубоватая колючая проволока сверкает на солнце, поодаль.

Если не приближаться, кажется, что она не пропустит. А эти — ближе некуда, учат. Будет надо — поднесут огонь или топор. А потом придёт весна. Страшно тебе? Не защищайся.

2.

Без железа

Их вера – из привязок.

Мы читали в детстве о племени навахо: чтобы стать воином, нужно сделать на спине два надреза, под полосой кожи между ними продёрнуть ремень и ходить вокруг прибежища духов день или два. Кожа разрывается — ты посвящён.

И я видел, что здешнее правило означает: всё тело покрыто надрезами, а верёвки, протянутые между полосами кожи, хитро сплетены. Если захочешь освободиться, наблюдатели скажут:

«Тебе никто не мешает взять нож. Но никто из наших не поможет тебе. Ткани, рассечённые тобой, никогда не заживут. А если заплатишь чужому, чтоб развязал твои петли, он погибнет, и его смерть будет на твоей совести».

Ещё увидел, когда не проснулся: вера срезает кожуру с яблока.

Оставляет его темнеть.

Чем дольше оно лежит на солнце, тем ярче вспыхнет сердцевина — невидимым белым огнём. Ты надеешься.

3.

Высматривал окно в стене, там, где оно было заложено кирпичами в 1945 году.

Высматривал окно в пустой стене, чувствуя серый воздух под штукатуркой, надеясь, что по обе стороны от окна замурованы кости.

Высматривал окно пустоты в стене из бетона и гипсоплиты.

Окно, что разрастается до коридора через удушающую страну.

А мог бы не быть таким дураком и ширяться в подъезде винтом.

Выруби уже — Лютер Эллисон поёт «Передай мне мою самогонку».

Передай мне слова, не похожие на мои.

Передай остальным: людей нынче принято уважать, а не замуровывать в стену, поэтому их всё больше и больше. Пока они живы, Единый спешит забить ими доверху дом.

Но если ты это забыл, передай мне кости, помеченные значками проводников, через всю удушающую страну.

«Счастлив тот, кто никого не любит», — в городе не будет ни одного граффити с этой фразой, это надпись на кости, попробуй найди, прочитай.

Высматривал пустоту, чувствуя под обоями серый воздух любви.

Любовь сорок пятого года вдавит друг в друга, в цемент, вытеснит в коридор, обратно во всю удушающую страну.

Водяные двери

*

Женщина не плачет – это как лёд не скользит.

А ты не хотел разбиваться, но привык разбиваться. И соль, тошнотворная, будто калипсол, заземлила все три пути, и они делят твою голову на две.

Я, говоришь, не хочу разбиться, и прекращаешь голову.

Из неё тянулись водяные нити, вверх по стене, чтобы ты оставался внизу, и когда тебя двое, ты не веришь, где находишься.

Воскресшая белка вертит колесо в твоей оставленной голове, это как лёд скользит.

*

Гвоздухоплавание Мировых религий

*

Смертная смертная Быстрая Присвоит её но ждал Другого порога

*

Обсуждают, собравшись, чем вычерпывать воду, ложкой из какого металла.

Любая вода будет вычерпана рано или поздно, на скорость влияет покрывание мельхиора серебром, количество зазубрин на рукоятке; на иных — зубчики, словно у пилы: наверно, распиливать воду.

Подогреваешь ложку свечой – вода уходит сама, зачем

*

Зачем уходить? Чтобы заботиться о той, о которой заботятся без тебя: мать, окружение.

Она же: упадёт на улице в обморок — не заметишь/ не замараешься.

Даришь богатому дом. Подари богатому ложку.

*

Это может увидеться смертью. Читай как хочешь. Сколько нас с тобой на каждого неживого, временно уязвимых. Наверху отравленная трава, внизу — дорожно-транспортная передозировка.

Перед тем, как заново уйти сквозь водяные двери, тебе расскажут, что подчинение живому здесь принято называть любовью, что подчинение мёртвому называть любовью, что тебя называть не назначили, и если не нужно тебе проживать 93 года, ты их всё равно проживёшь.

Русская литература в двух частях

>русскую литературу любить стыдно, это литература убийц, предателей и лицемеров.

да ну ладно. надо просто поставить её на место – туда, где всякие *sploitation'ы живут.

нет ничего постыдного в том, чтобы любить, например, фильмы blacksploitation, или там «women in prison», или nazisploitation, или goresploitation, или pinky. вот и русскую литературу туда же. то есть чтобы любящий русскую литературу не считался духовным человеком, тонко понимающим смыслы, а считался тем, кем и является: любителем определённого вида трэша. кому-то красные брызги в камеру, кому-то «душевные метания» и прочий подобный трэшак.

1.

Часто пишется Angel – читается Angst, а попробуем так же прекрасно ошибиться в местных образцах.

(Да просто показалось, что это прекрасно, а лучше бы показалось, что они местные.)

Rusploitation, мутная еда, камерное море, сценка возле мусороуборочной машины.

Не сама мусороуборочная машина.

- Комедийное, а не камерное.

Свернулась вокруг тебя и убьёт Ты ждёшь когда убьёт в радостном страдании Когда тебя наконец научат радостраданию, ведь то, что ты сейчас испытываешь, просто голод. Блок говорил совсем о другом

Она почему-то не убивает. Человек в(з)растает розойникому в зону, русскую, как дезоморфин Ты rusploitation, мутная еда, камерное море

2.

Сценка после мусороуборочной машины. Снег, остатки баб у пустого контейнера. В оранжевом.

Делание в оранжевом без мелких слов. Пробовал читать. Снег хрустит под ногами.

Петельный лов

Внутреннее лицо, укороченное, словно заключительный стих

забытой поэмы. Лица на сгибаемых спинах закрывают глаза.

Молотки воды в этом закрытом помещении/переломе.

Город выброшенного мяса, казуистика большого стиля.

Главный голос, привыкший не ко мне и тебе, а к петельному лову, не произносит нерусских слов. Если бы существовал бог, он бы дал мне все нерусские слова, чтобы сделать из них

[...мы не произносим нерусских слов]

*

Коровьи лепёшки благонравия

*

Сиди себе с ненужной клаузулой лица

*

Чтобы сделать из них самое неглавное

*

Главным художественным открытием года стал легендарный горельеф

Календарный большой стиль, вот луна расползётся во всё небо, тогда мы посмотрим

(Холинское «Не пейте сырой воды» напоминает Шостаковскую — «Не ешь цветы с земли». Можно подумать, что это большой стиль, но это не он.)

*

Бог — тысяча сросшихся ракушек, и пока их обходишь, присматриваясь, в которую лучше укрыться, грядёт большой стиль.

Protelariat

protelare – задерживать, откладывать (судебный процесс)

Protelariat, социальный класс задерживающих, затягивающих судебный процесс над своей головой

Голова становится из сплошных костей, мыслящая кость

Тростник – стальная труба, мыслящая стальная труба Терпеливая Гризельда не читала Боккаччо. Перестала бы откладывать освобождение на потом, если бы прочитала, мы уже не узнаем

Что ускорит их, кроме этого

В семье и смерти, как вы понимаете, толку мало И справа — свободные от свободы, слева — от остального, —

один и тот же класс, края едва сходятся.

Один и тот же класс тормозит апокалипсис, ну, не апокалипсис, а просто я, например,

стою в очереди и не пропускаю буйного человека в два раза больше меня, в конце концов, я тоже спешу Спешу и задерживаю

От мыслящей стальной трубы, как вы понимаете, толку мало

Чтобы ты думал быстрее, у времени есть удобства — металлический пляж, металлическое небо. Ты узнаешь его по вкусу железа, не скорости. Но не бойся: трудно есть железо из пустой тарелки. Затягивай дальше — она

снова станет и будет пустой, что бы ни положили, голова становится из сплошной пустоты, что ускорит её, кроме другой пустоты?
У них нет другой.

Система

Чтобы система тебя не забыла, не убирай галку из окна (пишет gmail), — а человек мне пишет: «Тут сосны шумят, будто осины». Он, наверное, сделал что-то плохое.

Галка в окне он говорит будто кафка и прочие тривиальности а на самом деле кафка — сложная еврейская фамилия (ты не теми буквами её пишешь)

Не теми деревьями закрывает тебя система

Чтобы тебя не забыла? Она и так не забудет, если не оплатишь насильственную амнезию.

Будешь называть любую женщину Настей, пока не отпустит. Женщина отпускает раньше системы.

И другой человек мне пишет

Так, будто я сделал что-то плохое

Не теми буквами нас закрывали, не того языка

Мы все говорим на земле

Я смотрю на тайваньских лазоревых сорок и думаю, которая из них я, пока не доходит, что я камень, с которого они взлетают.

На Каролину Гюндероде, малабарскую вдову, пока не пойму, что она стала темнотой, затягивающей раны 4 .

Чем мне укрыть тебя, какими деревьями называть

⁴ «Des Herzens Wunde huellt sich gern in Graebernacht».
128 (Ariadne auf Naxos)

Лесная охрана

Бог — червь в яблоке Хавы. Если долго смотреть на червей, единица за поведение превращается в единицу по шкале лжи.

Ничто не мучает меня, кроме государства. Оно говорит: любить — словно гусеницу жрать. Я пробовал отойти и назвать любовью пещерную трезвость — куда там.

Что удаётся расслышать после Адорно? Про солярный столп, и лунарный столп, и государство между ними, и лесную охрану, которая опоздает.

- У Малларме хоть кости были, я же в одной персоне и Малларме, - сказал посторонний, - и игральная кость.

Кто не хочет быть костью, станет лесной охраной.

А пока я здесь, и меня подталкивают к выходу, где валяются смятые чеки.

«Оформляй на себя всё, до чего дотянешься: у буддистов отобрали Качканар, и у тебя отберут».

Но я вижу, что другой подклеивал счета 121 год подряд, и теперь они у выхода, а его самого допрашивают. О чём — понимает один из ста двадцати одного. Зачем учиться писать на чужом языке, если не уверен, что даже этот — русский? Проходим, не задерживаемся. Любовь, говорят, это петельный туман государства. Я никого не люблю, я просто буду лесной охраной.

В семь лет я умер от пневмонии, в семнадцать – от вещества, в девятнадцать – от голода, кем мне ещё быть

Прибитая трава случая словно стыдно Мы коты под дождём государства. Посторонний открывает тетрадь, на обложке студенческий почерк:

Я смотрю на мёртвые аппараты Из пещеры выходит в ризах партком Не соврали детям дегенераты: Днище назначается потолком.

Если положить слова на видное место, их слижет чужой язык, и вот мы в земле безвидной

Кем ты хочешь стать, когда тебе некуда будет расти, — безвидной землёй или лесной охраной?

Солнце открыто

В полях ледяные формы. Под ними лежит кирпич. Весь твой следующий день — ошибка, а потом ещё и ещё. Под кровлей родного дома чернеют мухи, торгуют дымом. Тканный дым. Выкраивая из него лишний сантиметр, ты крадёшь у себя сантиметр тела.

Пой о том, как трава растёт, как солнце заходит, не надо тебе остального.

Солнце спотыкается на каждом кубическом сантиметре

травы. Она стала квадратами наподобие рафинада. А снаружи всё рассыпается, вся родина-неполжизнь.

Тебе светит самое чёрное, такое бывает, когда живёшь под самой крышей, поэтому надо воображать

что сверху надстроено чужое жильё, неважно — пустое или населённое.

Один хасид сказал: «Нет ничего прочнее разбитого сердца».

Здесь сокращают до «нет ничего». Родины моей светло всё из каменной руды.

Этот, чужой, тебя никогда не полюбит, если не станешь камнем.

А ты не можешь любить его, как мясо любит соль, пока живое, как сердце любит обнимающие его обручи. Но вы уходите одинаково от селения, где теплится смерть -

в аккуратной теплице, с виду земля, коснёшься — каменная руда, три змеиных листа сияют над ней, сияют как заре-

во следующий раз умнее да нет не будешь умней.

Дым пахнет формальдегидом, поля приманивают тонны мусора, а кровля черна, как мухи, под нею цветёт кирпич. Если сверху не строить, на стенах появятся чистые серые хлопья, они движутся — вниз или вверх? Секунду назад ты видишь, но уже забыла и поняла, что «вниз» и «вверх» не существует для тех, кто уходит,

как этот чужой – от селения, как ты. Станет он деревом, а ты камнем. Разные языки.

Серое окажется в руках у приличных людей, они говорят: «Из любого вещества мы сделаем Нужное Платье», — пусть же оно растянется хлопчатой бумагой и съест их.

А если не станет бумагой, ты обернёшься камнем, он — деревом: вдруг они вас догонят, пусть они вас не узнают, то ли ещё было: случалось, он умирал и выходил на улицу

он тебя не полюбит, если не станешь камнем. Камень можно выбросить. Иные любят именно то, что можно выбрасывать, точнее, знание, что можно выбросить эту вещь, когда надоест, и ничего за это не будет, любят знание

философия. Ничего.

Ты открываешь глаза, всё здесь на том же месте Солнце открыто, родина нарвалась

И когда она станет богом, а ты

••••••

бог не полюбит тебя, но ты уже самое чёрное.

Дыхание костей

Сердце распространяется

«Отними мою голову», – говорит пытающийся уснуть, потому что не может уснуть. Расскажи ему, что бог не создавал его головы

Никакой бог не создавал меня

Никакой бог не создавал тебя

Бог не создаст новой паутины, только невидимую. Он и есть паутина представлений о том, как правильно. И на меня смотрит правильный человек, будто бог, которого оскорбили

(Скоро тебе напомнят, что другой) человек — это шум выстрела

Вода, вшитая в нитку. Слово, врубленное в топор Снова мёрзнешь

Мёрзнешь точно святой

Пусть тебя размажет вещество, а не государство

Когда-то мне приснилось: чтобы спасти подругу из дома, где её заперли, надо серым дымом просочиться в подъезд. И тут я осознаю, что я дым, нечему дышать во мне, даже костей не осталось, и оранжевые стены не пропускают меня, и окна заперты. Когда я проснусь, кто-то спросит: почему ты их не разбил? А как бы я их разбил?

И другой кто-нибудь скажет: это и есть анархия Не узнаёшь в таких декорациях? У неё есть другое, безошибочное лицо

Революция, проволока между черепной костью и мозгом

Сердце распространяется, как вода

Была у тебя чужая вода, говорила:

Будь, пожалуйста, послабее

А то не придёт человек в сером, правильный, будто бог, которого оскорбили, клубок

невидимой паутины

в его кармане вместо ключей

Где ключи твои, Авель? Брата у тебя нет, мы уже поняли

Когда-нибудь у меня будет брат, похожий на лесного кота, но коты долго не живут

Будь я слабее, давно бы умер, превратился в пустую кашицу, идеальную женщину

Будь я сильнее, давно бы не было никакого «я»

Будь я слабее, не просил бы сжигать меня, надеялся на дыхание костей

Станешь слабым - тебя воскресят

Нет, не так: пообещают, что воскресят, кость не дышит, она иссякает, человек есть вода

Сердце

Распространяется

Небезопасная ткань

Будешь слабым — тебе объяснят, что ты сильный. Снисходительным таким тоном. Бери чужое, велят сверху, и отдавай нам, — а я говорю: лучше убейся, но не бери чужое. Потом очнёшься, и своего будет — хоть раздаривай.

Местные думают: это типа рекомендации не слушать музыку без лицензии, не сдирать с упаковок штрихкоды, а я совсем о другом.

Каждый из них тайно ждёт Патти Хёрст, а у меня только пустые руки и выход на крышу Дома Советов для тех, кто не боится собак и лестниц, такие долго не проживут.

А я думал, что перечёркиваю пустые слова, но перечёркивал пустые участки

желтоватой, как рис, бумаги. Ты бы хотел работать за чашку риса? Это тоже

Революция

Кольцо в чужом языке

Пока мы были пустым участком, пришли советники, устроили пожар, наводнение, правильную декаду. Пора просыпаться, а мы даже уснуть не можем.

Но когда я проснусь, у меня не будет ни одной кости, только дыхание.

Главное – помнить, что никакой бог не создавал меня Никакой бог не создавал тебя

Никакой бог

Найденная поэзия

Часть 1

ЕБУЧИЕ ВЫ СУКИ ВСЕ

Срёте где попало, вечно бутылки, окурки всякие валяются

И для природы самой, и для жизни на земле

Стоите тут на остановках своим куревом воняете, а у собак — нервы, разочарование, злость на людей

Если позаниматься с животным, превоспитать – самих вроде и совесть будет мучить потом,

что человека загубили, и то ведь не специально Обычные срывы, вот и всё! С кем не бывает? Полно психов на Земле

Практически все собаки предательства всякие прощают Вечно концы света всякие предвидятся

Люди, блядь, хуевы! Помощи от вас не дождёшься никакой

В тюрьмах сидите пожизненно, МИЛЛИОНАМИ КОЛОНН!!!

А собака, укусившая или разодравшая человека, ниже травы, тише воды

Знаете, в чём главное отличие людей и животных? Пафос один сплошной, на всё и на всех насрать

А разрывают они людей по главной причине – ЧТО-БЫ ВЫ ВСЕ СДОХЛИ!!!

Я ещё в образном смысле, мечтая, чтобы вы заткнулись уже наконец

И не притрагивались больше к бедным братьям на-

шим меньшим

Я не такая, как вы – взял и подстрелил, и ноль жалости

Да лучше бы все люди сраные подохли в этом мире

А животные - наоборот, остались

Накажет вас Бог, долбоёбы вы сраные

Я об этом, прям, искренне молю

ВСЕ, КТО ТАК ПРИРОДУ НЕ УВАЖАЕТ

Пафос один сплошной, на всё и на всех насрать

Часть 2

То, что я ниже размещаю

я надёргал из ранее написанного. Где-то добавил от 5 до 40 слов

Полагаю, авторы любят обстоятельные беседы, а не эти 2-6 слов в рецензиях

Я однажды написал коммент – кажется, в «Российскую газету»

Пожалел Чапмэн (бывшая шпионка, вроде дочка генерала — кто ещё в 21 год полетит в Англию выходить срочно замуж?!)

И посоветовал ей срочно выйти замуж за меня, сообщив, что мне 70 лет и прочее

А там, видно, модераторшей сидела на куче денег полусонная дура 22 лет, дочка главного редактора или повыше того

И она этот коммент не пропустила, гадина

Но главное не то, что мне 70 лет, а то, что я - поэт!! Самый засратый

поэт, после того как он напишет больше 200 стихов уже человек Бога среди стада баранов Перед поэтами, осилившими эти 200 стихов все генералы – бараны меднолобые

Я так обстоятельно пишу потому, что этот текст зашлю не только Вам. Прилагаю копию другого письма. Привет!

У меня в жизни было 2 друга, оба по переписке Один – еврей, на 50 лет старше меня, москвич, его родственница около 76 года

10 лет назад решил, что ноги моей никогда не будет в «Новом мире», нашпигованном евреинами паршивыми. Среди евреев

порядочных людей, пожалуй, в 4 раза больше, чем среди русских!! Это -

около 8%. Но вот все остальные для меня - евреины Такие, что меня оторопь взяла

И согласитесь, если я сменил под 25 мест работы

и жил в 3 деревнях и 8 городах, то у меня сумма впечатлений больше, чем у Вас

и это дополнительно обогащает моё творчество. Всего доброго! Будьте всегда бодры и энергичны!

После 5 мая я выйду в Прозу.ру и там после моей обработки Псалтыри

выложу довольно специальный комментарий на очень специальную книгу о сексе

Таким образом получается,

что и в области социальной медицины я окажусь первой величиной

после книги Ясперса «Общая психопатология» Потрудитесь часов 200 читать на сайте «Преступления советских психиатров»

Я так обстоятельно пишу потому, что этот текст зашлю не только Вам. Прилагаю копию другого письма. Привет!

Мне кажется, что если Вы не пожалеете за 3 месяца жизни

перечитать всё, что я успел выложить на сегодняшний день а затем за 4 месяца всё это перечитать Вы во многом станете другим человеком Посылаю Вам моё стихотворение 1977 года. Категорически утверждаю

Во всей поэзии Руси это первое и единственное стихотворение

где изображена и воспета воистину благородная женщина

Я не забываю бабу с гадской харей, которой я передал рукопись то ли около 1977, то ли в 1993 году

Я так обстоятельно пишу потому, что этот текст зашлю не только Вам. Прилагаю копию другого письма. Привет!

Часть 3

Самая большая беда человечества в том что на него действует тайна-17. Эту тайну предельно обоснованно я называю апокалиптической.

С ней сопряжён ЛЕС ЧТОБЫ ПРОВЕРИТЬ СЕБЯ НА МНИМУЮ СИЛУ ДУХА

Цифра Президента на этот счёт – 330 человек В ДЕНЬ то есть более трёх человек

В КАЖДОМ (!) РЕГИОНЕ

КАЖДЫЙ (!) ДЕНЬ

всё, из-за чего я взялся иметь

отношение к сетературе

выражено коротко, а вот ещё короче:

95 процентов из нас будут страдать в аду, очень, очень немногие будут приняты Господом в рай.

Пишу, что могу и что должен

В любом случае — сатана заинтересован в развитии как это можно в этом случае называть

космологических воззрений

Чувства: всё сложно

Мысли: каждая вторая от сатаны

Перспектива: по окончании земной жизни ещё и в ад отправлюсь, очень может быть

ОДНОЙ КРАСОТОЙ МИР НЕ ИЗМЕНИТЬ.

Здесь=ьседз случаются смерти и разные другие беды Не менее губителен второй инструмент сатаны

Это моменты мистического блудодеяния, когда человек переживает (это не фигура речи)

Цифра Президента на этот счёт – 330 человек В ДЕНЬ то есть более трёх человек

В КАЖДОМ (!) РЕГИОНЕ

КАЖДЫЙ (!) ДЕНЬ

всё, из-за чего я взялся иметь отношение к сетературе Очень многие люди искусства

в частности, вошли в этот «лес»

Для них имеются рамки от сатаны, и они могут говорить только «около», «того», «иначе»

Узнайте сами!!! Если кому-то интересно, можно получить выгоду

от стайного пожирания человеческих судеб Этому глобальному искушению посвящённые в тайну имеют

с подачи сатаны наименование — «точтоесть». В нём есть и слово «контроль»

Постсоветская психиатрия крайне некомпетентна её представители почти никогда не признают возможности наличия ЛЮДЕЙ

не верят в существование сатаны и прочих бесов (а по данному пункту я эксперт)

Сущие глупости вы пишете

Первый раз отвращение от прочтения первых слов заставило — как это бывает в подобных случаях

весело, недоумённо, как-то ещё — кричать на весь второй этаж дома моих родителей несколько раз «фу», и ещё

я прочитал человеку, бывшему в тот момент на втором этаже, про склонность большинства мужчин к гомосексуализму

Цифра Президента на этот счёт – 330 человек В ДЕНЬ то есть более трёх человек В КАЖДОМ (!) РЕГИОНЕ КАЖДЫЙ (!) ДЕНЬ

всё, из-за чего я взялся иметь отношение к сетературе

Суббота перед войной

1.

Запишусь нерусским, никуда не пойду Они говорят: никто не запишет, никуда — это где? Пока я вспоминаю координаты, вода разнимет нас, превратится в землю

Эзопов язык эпизоотии

2.

Когда очередной дурак обрывает мой телефон, это не то же самое, что обрывает крылья у насекомых,

но почему так противно. Долой вашу любовь прибедняющихся

Мол, мы на вершине, но нам одиноко, словно куску льда в кипятке

Вы не на вершине, вам не одиноко. Я вернулся к старым декорациям — стряхнуть пыль, а это не пыль и не декорации. Но старые, да. Старые, как любовь.

3.

Электронная очередь на почтамте, цифры «666» на табло, мужик считает деньги ровно до вспышки «667», потом не спеша уходит.

(Не говори (:) медленно, говори (:) не спеша.) Коренастый, плешивый, сосредоточенный, в серой толстовке (Толстой – некто в сером, «мусорный был старик»).

Он и есть сатана, этот слишком обычный человек: он противоречит тебе, потому что обычен, он не противоречит тебе, потому что обычен ты, и тем самым искущает тебя возвращением к недвойственности. У него ветроотбойник в голове, такая штука с загнутыми краями, и что бы ты ни подумал о нём, к тебе не вернётся, а вернётся одно словосочетание: «иди отсюда». — «Но мне надо отстоять свою очередь». — «Вот потому, что «надо отстоять», и иди».

И наверняка надо подумать, что ты ничего не заслужил и все достойные — на улице, — или на самом деле там никого и ничто, рассыпающееся на бесцветный шорох, и что долой вашего сатану, но ближайший фрагмент окна загорожен синими коробками с белыми полосами, а возле другого — не твоя очередь. Талоны с номерами уже не выдают, и если мы, пронумерованные, перемешаемся с пришедшими позже, начнётся скандал. Тебе не выдали нужный номер, ты не хочешь стать тем, кому его выдали, а если станешь, всё равно сюда придёшь, почему же ты смотришь в окно так, будто стёкла изогнулись по краям и стали металлическими, будто объяли тебя воды до самой твоей 666-й по счёту души?

4.

Понятия:

Неплохо бы запомнить, что чернуха — это не тексты с обсценной лексикой, а жаргонное название опиатов.

Русский - это неразборчивая недостаточность.

«На сатурналиях жрец сер, но прозрачен».

Не мечети бисер (чужая ошибка)

Не мечети бисер, а нашей радостной церкви в каждой солонке вместо соли. Запишусь нерусским. Я читаю мимо ноля, ноль на каждой странице, но когда-нибудь здесь будут солнце и пчёлы. Заведу себе кошку, назову Ульрикой, отпущу во двор, постараюсь не волноваться.

Это и есть революция

*

не могу написать свободный текст для разживления того, что слишком человечно

*

ризома не разживляет тебя разжимает

*

[склонившемуся перед СССР]

вот она — твоя очередь твои полупустые нет, не наполовину полные нет, ты

*

«вот и птица не прилетит» (И. М.) птица-виселица

одни электронные провода и все мы

*

[Flamel trip]

осталось только правое сердце, но его можно передвинуть влево

не делай мне больно - это и есть революция

*

когда бы Вольтарина де Клер знала о Льве Толстом, сколько мы — или сколько я о тебе, — сказала бы: ерунда, что-то про червей 5 .

⁵ «...в руки полицейского попала ее поэма под названием "Червь". Поэма была написана в духе анархизма. Достаточно было пробежать несколько строчек на первой странице, чтобы убедиться в этом, но полицейский не сделал этого.

⁻ Что это у тебя за книжка? - спросил второй полицейский.

[–] Ерунда, что-то про червей, – ответил первый и бросил поэму в сторону». (Дело труда – Пробуждение. 1952. № 39. 146 Стр. 6-9)

Улица насквозь

Улица насквозь.

Пытался заговорить. На воду легла ладонь, плоская, словно деньги.

Расскажи лучше

(чем я)

Расскажи, как ломалось внутри человека созданное другим человеком – идея, несовместимая с улицей. Пустота ещё не обернулась вокруг тебя.

Всё, что у нас есть: люди, камни, камеры. Камеры не у нас, но ты говори так, будто они вписаны в твоё свидетельство о праве собственности

На всякий случай

Подумаешь: я достиг просветления, а от тебя просто все отвязались, сообразив, что нечего поиметь. Но когда падалица начинает гнить, улица проходит сквозь тебя (,) в последний раз (,) напоминая, что ты здесь делаешь.

Откроешь глаза, увидишь знакомую женщину: «Говорят, вы милая». — «Как галька, засыпанная в рот умирающему. А что, это просто гладкие камушки, блестят на солнце. Если на солнце».

Всматривался в камень – он ломался, как яблоко.

Всматривался в камеру, незаметную, как подводный камень.

Расскажи лучше, чем я.

Одностишие

бог для пушистых сволочей похож на лисий хвост

Мишень в языке

1.

Смягчили тебя до смерти, сбили как масло Не будешь теперь просторечной, они тебя разберут для сложной постройки, закрывающей голодомор

Почему они просто не могут убрать паутину с твоего лица? Потому что не видят лица?

Потому что видят мишень в языке, дерево отвращения, растущее в каждой клетке кожи, что на первый взгляд годится

Они бы делали из нашей кожи бинты для замызганных заборов своего города, для надрезанного существования

Соловьёв говорил: «Государство — это жалость», — но это не жалость к тебе.

Выйти без кожи или сбежать?

Не плачь, сестра, ты узор на древесине, она прочней переплёта Библии. Ты чистое плавящееся стекло.

2.

Сделайся глуше луны

Они хотят, чтоб мы стали одновременно овцами и кораблём. Без нас они, значит, утонут

Надо подняться, чтобы от них доходило как можно меньше

К верхним оврагам. Да, там овраги

И мертвецы, оплетённые сияющей паутиной, но ты забудешь, что они мертвецы,

Из-за сияния. У нас всего-то препятствий:

Мишень в языке, закрытый словарь. Человечество – это такое

Испытание надрезанных образцов.

Человек и его стекло

1.

Большую часть своего времени человек ни о чём не думает.

В подвале его прорастают новые морозные сорта людей, точно ростки у картофеля, точно узоры снега вместо чёрной плесени на стене, у этих людей быстрая пустота в головах.

Её слышно сквозь плеер с depressive black — и depressive red, твой старославянский. А не твои — новые сорта людей, я хотел стать одним из них, а то эти русские как манихейцы: видят А и В, а есть А1, А2, А 2.34, В1, -1В. Если множество невозможно и двоичность нелепа

От поля отъехала массовая атака, задвинулась ящиком тьмы, и теперь повсеместно ни одного языка.

2.

Линия.

Я не понимаю, как она оборачивается вокруг той стороны.

 Как язык. Старославянский язык. Он извивается, будто угорь на сковородке, на скороговорке.

Сохранённый как пустое. Раньше все книги были телесны, теперь телесная книга — это ты, ей не пригодны такие слова.

Учить — всё равно что вживлять под кожу осколок глиняного кувшина, решаю не тратить ещё два часа,

не умею заучивать, только вживлять. Почему этот язык не родился заново — легковспоминаемым (легковоспламеняемым) английским

3.

Не может быть воздух мертвее нас, но он отслаивается от окружающего, сохранённого как пустое, оставляя чёрные проёмы. Приходят немедленные враги.

Переносная гильотина голосов, улицы, полные сов.

Каждый смотрит на волю через стекло, и назначенные не нами странно смотрят со своей пустой улицы, когда человек и его стекло — немедленные враги.

Совы не ловят мух, которые будто миллион слов, от которых умираешь Сартр или ты, а иначе ты не поймёшь: бывает воля, а света нет, а свет — дребезжащий лёд.

Гляди(т) как чёрное (.) ломит виски. Туда где нет языка ушли похоронные светляки

Человек и его стекло

Дорога из плесени

методическое пособие

Река-нищенка просила денег, они выстлали её дно, вытеснили воду. Копейки среди песка — вот слова этого языка. Приходят другие люди, бросают медь, чтобы вода вернулась, не понимают

Алик Ривин продавал кошек вивисекторам, но дух дышит где хочет

Его самого продали вивисектору, так чего же ты хочешь

от этой дороги из плесени

Что вокруг нас? Неясное об украденном

В мусорограде некто записывал очевидное уворованной авторучкой и перепечатывал на портале-для-всехподряд, но дух дышит где хочет.

Когда заблокировали страницу, одна фраза этого бухгалтера (да, бухгалтера — сам говорил) запомнилась случайному посетителю. Тому, кто очами вашими не виден и ворует только паркеры раз в семь лет. Да, и он — туда же; но дух дышит где хочет.

Теперь мы помним бухгалтерскую строку, будто сапфическую строфу, а настоящее имя автора— нет. Настоящее средневековье!

Это чувак один по укурке проболтался. Может, он и есть автор? О нём ничего нельзя

Поди скажи кому: «Купил стакан травы» Поди скажи, кому купил стакан травы И вырубят осинник невиновных

А другой считал с нуля целую книгу

Вышел на улицу, там у водостока бывшая книга лежит

Среди обрывков различил слово «холодно»

Попробуй произнести слово «холодно» в тёплой комнате своего врага

Третьему сказали: «Так, как ты пишешь, не пишет сейчас никто. А значит, и читать это никто не будет». Он, дурак, поверил. Удалил всё, кроме одного текста, по которому видно, что, во-первых, автора бы читали, а во-вторых, кто только так не пишет.

У четвёртого были стихи как двухвостки.

Над головой битое стекло зависло в воздухе и не падает

У тебя над башкой различие, птица, Китай. Можешь уйти отсюда, можешь остаться, всё равно ничего не получится

Это дорога из плесени к монетам, которые даже украсть западло

Если ничего не получится, значит, всё можно,

а «дозволено» или «не дозволено» — кого это ебёт, нам никто дозволителя не назначал.

...а, этот? Ему показалось.

Но я не хочу больше цитировать завет на улице, занесённой снегом по крыши.

Она словно Кари под машиной и Мария в Ямболе, и дыхание замерзает.

Разночтение

1.

Нежилая голова

– Сколько здесь всего намертвело Намёрзло воды

- Сколько?

2.

Даже они умеют говорить А что это у них сачок из крови Мы проще и добрее мы умерли совсем Я говорил ему (/) замолчать

Я люблю жизнь только рядом с животными Русские или слишком мёртвые или слишком живые / Но русские — это животные / Я правда сказал «русские»?

Я говорил ему замолчать

Ложка дёгтя не кипит под зажигалкой лучшее русское

Это афганский героин

Перепроданное кладбище воды

На самом деле это перепроданное кладбище воды

Нет нас не вдохновляет их мотивация танцевать в остатках

Я говорил ему

Если я скажу правду – посмотрят

Так, будто под моей кожей десятки ампул с кодами разных хозяев

Нет одного владельца? Значит, их много

Разночтенье (в) крови. Обрастать исключения-

микрочипами, бугрящими кожу. Орлан, где твоя победа?

Шевельнут(ь)ся (/) больно я говорил

Виниловый лёд

Виниловый лёд снят с производства. Один сайт

Путешествуя по душе-автомату

Она вырезает из него пласты, но он должен растаять, а не разрезаться. Может быть,

должен таять, а не звучать

Путешествуя по душе-автомату, она

Материнская плата контрапункта

Могла бы вырезать из кожи людей: только что была просто кожа, а теперь от неё человек остался

Структурированное покрытие человека, а что человек — точка против точки, но думает, что против [подставить нужное]

Путешествуя по душе-автомату Человек остался. Она (,) не ты

Смерть, Филомела

Пощёчинное воскресенье, не прощённое. Речи спускались верёвками из окон невидимых

(снов).

Проснёшься, а твоё золото сгинуло в ломбарде. Нет, сгинет, если проснёшься /

не там — в кипящей чёрной заводи. Когда я в смерти, как в простой одежде, мне видны окна, не видны верёвки, и дверь закрыта нашими телами.

Окон невидимых ров — будто на дне его обрамлённые стекла в ряд. Если долго смотреть, они откроются. Протягиваешь руку, думаешь: стоит дотронуться — стеклянные зубы схватят,

и не дотягиваешься. Так шутит гулящая девка смерть.

Знаю птичье племя, хотя не свил гнезда. Смерть, филомела.

Никого не поймать, никого не поймать, твой голос так редко похож на верёвку, так редко бьётся закон с мечтой /

зарыться в землю. Нас так учила толпа лесных и речных уёбищ, объявших всю, как говорят /

природу

объели они до самой души моей.

Подчинённое воскресенье, простая одежда.

Учетверённое воскресенье, пустая одежда, оттого, что если число хотя бы на единицу больше трёх, тела в эту холстину больше не поместить. Зарыться в землю, будто никто тебя не причинял. Они же кого-то другого взрастили, растлили, распяли, а ты просто колесо, чтоб изранить землю,

просить прощенья невидимым ртом.

Краски перемещения

*

недостаточно самоубийственно кто заставит её

*

голос промышляет. не я. превратить оружие [в надкушенный рафинад. такой что хочется взять но противно и не убивает]

*

ру[б]иновая земля выселки высоких

*

переломить белое

*

люди это шкварки примите яд[ите] / не мне откидывать их на сито

*

краски перемещения цинковый лофт немая саранча мы или другие

*

отмерло: камера в декабре теперь по холоду будто живая

*

за плечами смерти ирония кем ты стал для меня вместо собеседника

*

обыденность проматывая шифр

Sancta Sebastiana

Вместо «медиум» прочитала «недоучка» Глядя на картину Огюстена Лесажа Осень разъехалась по двум лагерям Стоишь на камне, который не скуришь,

словно церковь. Будем привыкать. Осень выглядывает то из-за левого, то из-за правого твоего плеча

Te, кто смотрит на неё сквозь ловушку, говорят: исчезла.

Под асфальтом вода притворилась нефтью

Выбирай: умереть или врать (Селин). Ложная дихотомия: и врать, и умереть придётся. За левым плечом переправочный пункт, за правым — любовь-как-чужие-её-понимают,

вот и нет её - говорят: исчезла

Успокаивают: ты ещё успеешь полюбить угол, в который тебя поставили

Мы положим тебя в гроб в школьной форме, бурой, как корова

(Которую вчера съели. Ребёнку не «съели» говорят – «исчезла».)

Дорога разрисована «классиками», в которые ты никогда не играла, на каждом плече

по ловушке для стрелочек

Sancta Sebastiana

На всю толпу одна голова

C, M,

На всю толпу одна голова — старухи-уличной-собаки. На месте промзоны — поле из голосов: «Вы должны рожать».

Ваши бы морды вытерпеть, а вы предлагаете новых наделать — точь-в-точь ваших, правда? Чтобы за вами стояли не только усмешки правительства, но и наши дети.

 Спасибо, но те, что слева, не одиноки ни вообще, ни без ваших собачьих костей.

Как называются мизантропы, которые всегда с кемто в отношениях? Садисты?

Один чувак долго жил с идиоткой.

Мыл за неё (повсюду) посуду. Поутру барышня превращалась в посуду и разбивалась. Шептала: «Я мягкое, нежное существо». — Фарфор, дура, не бывает мягким, а битый он режет. — Хотя нет, парень ей так не говорил. Он разделил события на два пункта:

1) Все бабы – дуры. Найду себе типа умную, а она обломает меня, совершив поступок.

А здесь всё как на ладони.

- 2) Если я её выдержал столько времени, вероятно, она и не дура, но я не понял, в чём.
- 2, 5) Когда пойму, закончу диссертацию по социологии.

Как называются мизантропы, которые всегда с кемто в отношениях? Социологи?

Одна баба никогда ничего не исследовала.

Штукатурила стены и всех ненавидит. Надо бы выйти замуж за стену. Её можно покрасить в любой, защитить чугунной оградой с похоронным красно-кирпичным фундаментом.

Лучше за стену из камня. Штукатурить и красить не надо - хороша она и так.

Главное, что не разговаривает.

- Ну вот а вы говорите никогда ничего
- Тётка может и это но не ценила мужскую красоту. Мужчина это же не стена.

Как называются мизантропы, которые всегда с кемто в отношениях? «Неспособные рассмотреть»?

Девушка, что встречается с красивым, но бездарным музыкантом,

выходя из его квартиры, набирает сообщение музыканту, которого считает талантливым:

«Не знаю, чем вам помочь, но я вас помню и люблю».

Как называются люди, которые не могут ничем помочь? Мизантропы?

Как называются люди

Твари забот

1.

недвойственность

(творите заботу, твари забот чистопорожние ваша скатанная в гранулы белоснежная пыль)

твори заботу тварь забот. река течёт в обход смотри какая беготня вокруг плохой воды смотри плохой обходчик в две точки сразу в одну пустоту в одной река пошла вразнос в другой две точки сразу

смотри плохой заботчик в нет нетания, бейт-эль, кфар-саба песочные улицы библейские все в одну реку смотрят вторую мыслит тварь забот, а первая гниёт вторую мыслит тварь забот, да не даётся ей такая в общем пустота--твернись останься не у дел вокруг плохой враги а попадёт хороший враг смотри в две точки сразу.

Ты смотришь на эту гранулу. Бетонный месяц вотвот свалится тебе на голову.

Что есть любовь – заброшенный терновник. Воздух тебя растратил.

Эти вещи умны и строятся сами собой в миллионы лет —

по инерции / преодолевая инерцию.

Цветы острые пока не распустятся.

Что есть любовь – кимвал. Сирена гудит за окном. Всуе венок, сирена. Цветы раскроются дрянью наружу пока их держишь в руках. Едва различимые синие искры острые если рядом.

Забрали у каждой розетки ток закрыли на пластиковый предохранитель и пластиковый дождь идёт.

Апостол Павел был воздухом в лётном аду зимой.

Апостол Павел был инерцией вещи.

Майская зелень с прожелтью, сирена глядит из окна. Жестяная скрипка словно сирена, окно как розетка, напрасна твоя стена, вместо трофеев увешанная плетёнками.

Нерукопожатность

Я нерукопожатен, недостаточно толерантен, недостаточно ненавистлив, недостаточно

меня для двухметровой могилы. Не любил страну, запретили мечтать о смерти, ходи теперь как живой. Живи, не живи — вот он, сон с унавоженной бритвой.

Человек прочертит на ладони другую линию, человек не прочертит на ладони другую линию — роза не облетит раньше срока, позже слабых тиран не умрёт; Другой говорит: не лги обо мне, — и от бога не остаётся ни куска мяса. Как же страшно не понимать, что любой не умеющий слушать молчание всё равно такой же как ты

Медленная глиняная вода

Приходит ответственное лицо как приход, в безответственное лицо моё смотрит, как язва на чистую кожу. Молится оконному лучу, несчастному, как призрак госкомстата. Недостаточно мало меня для полутораметровой могилы, хотя они говорили мол детство

какое нахуй детство сами-то в десять лет картошку сварить не могли а я приблизительно вот.

Ну пожалуйста, не держи меня за руку, я не люблю ходить за руку, я бы любил становиться камнем на этой дороге, если бы умел, если бы сотни тысяч до меня не хотели бы в камень, оставаясь при этом божьим куском мяса.

Пробовали заново называть поебень по именам: Поебень, Поебень, Поебень.

Колесо медленной растраты

Дно состоит из решётки, только она под ногами, а не перед глазами.

Колесо медленной растраты шуршит, как пластинка без голоса.

Мы слишком легко сокращали дорогу, и вот она замерла.

Эта зима расширяется до мелочи, лежащей прямо перед глазами и потому закрывшей другую вещь. Зрачок расширен до вещи, что подбираешь, но не подберёшь. Русский буддизм, водочный и безмазовый, плесень вместо динамита.

Почему правдолюбы не предлагают говорить вместо «поживший» — «поумиравший»?

Я искал бы спутника смерти, он бы хорошо поумирал и рассказывал, поглаживая мои спутанные волосы, что я отомстил врагам — не отомстившему не полагается спутник смерти, — что бога не будет и я не вернусь.

А вместо этого я:

- Больше люблю спорт, чем наркотики.

Если отсюда смотреть, то и спорт, и наркотики – просто вещи с чердака для забывших другую тропинку.

- Откуда «отсюда»?
- A ты забудь про своё «бабы должны страдать», и я тебе расскажу.

Только ты не забудешь. -

И ничего не изменится.

Я читаю колыбельную на немецком как Sturmlied.

Прохожий с айподом спросил поколение [не разобрать]

16, 17, 418, 76 - 82

Я не считаюсь болит голова это не просто болит голова. Овца в моей комнате ищет в зеркале свою малярийную голову. Находит русский буддизм, водочный и безмазовый.

Отсюда где я видно камнемеры

Подсчитывают, насколько пуст каждый камень.

Сколько лет его сердцевине, сколько нет в его сердцевине, у человека нет камня, лишь мясо и металл, если вести себя правильно, случится мясо, металл, дверь с табличкой, подневольное копошенье

или «сердце» что как нитка вымоченная в уксусе тянется из-за другой двери оборвётся

и ничего не изменится.

 $Bc\ddot{e}$ больше работников умственного труда мечтает об осязаемых результатах доски фигурное стекло мельхиоровые слова.

А мне хочется работу, что *руками не потрогать*, *словами не понять*, воздушную работу войны.

Пишут, что сын священника повесился в военчасти. Будь я сыном священника, я бы повесился ещё в детстве. Я любил только двоих человек, в 17 лет и 31 год, и оба они были мразью.

И ничего не изменится.

И мы здесь в пустоте с пустыми руками Но это лучше чем с ёбаной хуйнёй в ёбаной хуйне Пустота что глядит внимательнее тебя Ты не стал изгоем как ни старался Месяц чужой головы убьётся до точки Сокращай дорогу, она уже снова движется Пока не сорвёт крышняк, не обратится в топливо Стекло, бетон, военчасть над чужой головой, невидимые воздушные камни

Но ничего не изменится.

Под рыбьими лозунгами

Под любыми/рыбьими/лозунгами Рыбий жир нравственности, непрозрачные капсулы формулировок

Родина-мяч как rodina mac Родина лишила нас dmt

Сборщицы риса, чая, китайской техники, мусора и текстуальных фрагментов, вы не напишете слов на листьях, зёрнах, микросхемах и между чужими предложениями, но, может быть, съедите немного мусора

(Когда лишают слов/dmt)
Зазубрина становится головоломкой
Голова назревает, словно конфликт
Глаза лозунгов, выброшенные на берег
Мы глаза лозунгов, выброшенные на берег
Storms that breed

160°C

Нелинейные могилы Счётчики

Нелинейные модели - так полагается

Могила не прямо пропорциональна земле/семье. Над каждым подобным захоронением следует устанавливать счётчик, вроде меркурия, чтобы узнать, на сколько ещё сантиметров могила отклонилась от пропорциональности, и заставить кого-нибудь платить

*

Рядом с тобой лежит логический молоток, а что толку

*

Точка больше торчка

Это осенью жив президент и почти все трипы будут плохими

*

Ледяные углы каждый из них Расслаивается на сотню ледяных углов По-другому они не меняются 160° C. Ты знаешь, что такое 160° C?

×

(Приди к униженным)

Они читают только набитое на руке

(Там ты не нужен: начитался чего-то и пришёл зачем-то)

Зачем?

*

Прочитай ящериц

*

«У тебя вместо мозгов плексиглас», — говорю я, подразумевая: «Мне бы хотелось, чтобы у тебя вместо мозгов был плексиглас».

Приграничные совы

Литература – детская игрушка по сравнению с политикой.

Но я ещё не доломал язык, он похож на пластмассовый конструктор, его углы врезаются в ладонь. «Тебе кажется, — говорят другие, — это дерево». Да, дерево. Сосна, с которой плотники не любят иметь дело.

Форель разгрызает лёд, на дне ей нечего больше есть. Граждане этой страны, которые заполняют жизнь будто прустовскую анкету, думают, так умнее

Авгиевы кони, думают, кто-то придёт и уберёт за ними

Прилежное сердце с национальной стигмой — мне его не досталось

Люди нашего круга строят пятиугольник, мне его хочется перевернуть

Я боюсь, что мы накуримся с неба

посыплются каменные хлопья это не моё читаемое сердце

Это рай. Он пустой

Будто стеклянный мост в половине первого ночи Нас уверяют, что нам повезло — ножи бросают не в спину, а в стену

А кто хотел проехать зайцем, проехал, только мимо. Свет раскатан

словно тесто от края до края моста

Давай остановимся рядом с цветочницами

Не для покупки цветов, а чтобы послушать праздничную перебранку

Давай я тебе расскажу, что один

мракобес пишет: мужчины должны погибать, а женщины жить, — и мне хочется умереть, прихватив с собой мракобеса. Я старше тебя на мою любимую цифру. Она означает

рай. Он пустой

К. тоже наполовину поседела к двадцати пяти. Она сказала знакомому, что я иду за ней, как собачка, я подумал: неплохое начало, — и избавился от неё.

Давай почитаю тебе исправленные стихи Свирщинской, я говорю: твои волосы— жемчуг, граждане этой страны говорят: сумасшедшие анархисты. Приграничные совы

пугают время: оно застывает, они не меняются словно рай. Он пустой.

СОДЕРЖАНИЕ

1

Скотобойня и каменоломня	4
Бутылка	5
Подлое летнее утро	6
Девочки в блокнотах	7
Четыре полушария	8
Существует	9
Письма неустановленным	10
Здесь темно и тебе не понравится	
and the second s	
Цветной пролом	14
Здесь темно и тебе не понравится	15
Безлитерная печатная машинка	16
Go Vegan	17
Мы не в театре	18
Народная этимология	19
Чашка	20
Пауки на гладильной доске	21
Кража	22
Наставники	23
Лучшее	24
У ворот Эчмиадзина	25
Моя любимая книга – это Библия	
Медленная могила	28
Литература	29
С добавлением свежих гробов	31
Прозрачный хлеб	
Железо правильной стороны	34

Лестничные времена	38
Наладонник	42
Съедобное стекло	
H	44
Краеневедение	45
Сливочный пирог с метадоном	46
ЛДП	47
Чтение	48
Недостроенная церковь и железный каркас	49
Гнёзда из воды	52
Шняга про святых шлюх	
Грехи	60
Песочное зеркало	63
Сталелитейные осы	
Q	60
Сталелитейные осы	
Что бы ты ни делала, выйдет нож	
Сепия	
Роминтен	
Русская литература	
Пустая трата	
Мы были сетью	
Самое жуткое переживание	
Честница	
Песчаность	
8	78
Жареная кровь	
Не шум	80
Без молотка	
Z	

Чужие слова 1999 года	84	
Кусок города	87	
Аппарат Фишера	88	
Светоловушка		
Праздник мёртвой Марии	90	
Пятнадцать	95	
Полуразбитое зеркало на стене церкви	98	
Смирение	101	
Предисловие к малоосуществимому тексту	103	
Тексты 1999 г	105	
Кладбище ваших правильных дней	106	
2		
Вдоль земляной стены	108	
Гражданская лирика	110	
Наблюдатель	111	
Пропасть тебя не узнает	112	
Вырождение дна	115	
Через удушающую страну	117	
Водяные двери	120	
Русская литература в двух частях	122	
Петельный лов	124	
Protelariat	126	
Система		
Лесная охрана	129	
Солнце открыто	131	
Дыхание костей	133	
Найденная поэзия	126	
Суббота перед войной		

Улица насквозь	147
Одностишие	148
Мишень в языке	149
Человек и его стекло	151
Дорога из плесени	153
Разночтение	
Виниловый лёд	157
Смерть, Филомела	158
Краски перемещения	160
Sancta Sebastiana	162
На всю толпу одна голова	163
Твари забот	
Нерукопожатность	
Колесо медленной растраты	
Под рыбьими лозунгами	
160°C	
Приграничные совы	

Елена Георгиевская

Сталелитейные осы

Редактор, корректор, верстка – Е. Горшкова Фотография (обложка) – И. Буяновский

Подписано в печать 24.04.2017г.
Формат 60 х 84/16
Усл. печ. л. 11,25. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 2790
Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com